

Проект
СЕРГЕЯ ЛУКЬЯНЕНКО

Дозоры

Аркадий Шушпанов
Александр Сальников
Ольга Баумгертнер
Алекс де Клемешье

ДОЗОР
С БУЛЬВАРА
КАПУЦИНОВ

Алекс де Клемешье
Ольга Гартвиновна Баумгертнер
Аркадий Николаевич Шушпанов
Александр Викторович Сальников
Дозор с бульвара Капуцинов
Серия «Дозоры»

Текст предоставлен издательством
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=38974921
Дозор с бульвара Капуцинов: АСТ; Москва; 2018
ISBN 978-5-17-111536-4

Аннотация

Всемирная выставка 1900 года. Электричество, синематограф, автомобили... Мир Иных взбудоражен достижениями обычных людей: технические новшества могут составить конкуренцию магии. Дозоры со всего света отправляют в Париж делегации; не осталась в стороне и Российская Империя. Молодой синематографист Леонид Александров оказывается в самой гуще дозорных интриг, в эпицентре заговора, созревавшего много десятилетий. Он – Иной, стоящий за камерой; его работа – запечатлеть события. Однако это не значит, что человек с киноаппаратом не способен на что-либо повлиять. Для объектива

равно важны свет и тени, но недаром экран изначально белый, а квадрат на нем – светлый.

Содержание

Предисловие	6
Над картиной работали	9
Лента 1. Прибытие поезда	10
Пролог	10
Глава 1	26
Глава 2	48
Глава 3	73
Конец ознакомительного фрагмента.	101

Ольга Баумгертнер,
Александр Сальников,
Алекс де Клемешье,
Аркадий Шушпанов
Дозор с бульвара
Капуцинов

© С. Лукьяненко, 2013

© ООО «Издательство АСТ», 2018

* * *

*Ce texte il est une image en direct du mérite de la
Lumière.*

Le Contrôle de la Nuit

*Ce texte il est une image en direct du mérite de l'
Ombre.*

Le Contrôle du Jour¹

¹ Данный текст есть живая картина заслуг Света. *Ночной Дозор* Данный текст
есть живая картина заслуг Тьмы. *Дневной Дозор* (фр.)

Предисловие

Перед вами уникальный текст: роман, созданный так, как создается большинство современных кинофильмов. Роман, написанный методом последовательного приближения (или послойного наложения). Роман сразу четырех авторов – и, конечно, одного создателя дозорной вселенной.

Существует немало книг, написанных четверьмя и более людьми. Например, еще в 1927 году сразу 25 советских писателей попытались сотворить коллективный роман «Большие пожары» на страницах журнала «Огонек». Но теперь о нем знают лишь единицы, хотя имена почти всех соавторов остались в истории – среди них были и Александр Грин, и Алексей Толстой, и Михаил Зощенко...

Почему же данный текст уникален? В чем его отличие от других соавторских произведений?

Коллективные книги обычно делаются одинаково: предварительный план романа делится на части, и каждый из соавторов работает над своим фрагментом. Так были написаны и первые романы проекта «Дозоры», в которых принимал непосредственное участие Сергей Лукьяненко.

Но чем больше в коллективе авторов – тем больше текст напоминает лоскутное одеяло.

Конечно, бывает соавторство и другого рода, когда участники вместе сидят за письменным столом, вместе обсуждают

и шлифуют каждую фразу. Только письменный стол – не бесконечен. Такой способ хорош, когда книгу пишут два, максимум три человека.

А если совместить эти подходы благодаря современным возможностям интернета?

Каждый соавтор пишет всю книгу – но на своем слое. Именно так делается кино – каждый участник процесса выполняет исключительно свою функцию. То, что умеет лучше всего. Оператор – снимает, звукорежиссер – колдует со звуком, каскадер – исполняет трюки. Никого из нас давно уже не удивляет столь четкое разделение обязанностей. Наоборот, сейчас кажутся удивительными и малоосуществимыми первые шаги на заре кинематографа, когда один-единственный человек придумывал, что он будет снимать, сам же стоял за камерой, сам монтировал, а зачастую сам и демонстрировал публике получившийся фильм.

Так и появился коллективный роман нового типа. Авторы, может, и не первые, кто совершил подобное, но, наверное, одни из первых, кто делает это открыто, не прячась за брэндовым псевдонимом.

Каждый работал по всему тексту, но исключительно над своими задачами, и результаты общими усилиями были смонтированы в единый роман.

Такой подход продиктовал и выбор темы. Зарождение нового искусства – кинематографа, рубеж XIX и XX столетий. Время бурного развития науки и техники – казалось, что

они смогут привести человечество к близкому процветанию. Только Иных пугает будущее, в котором для них может не найтись места... И кстати, о месте – оно тоже выбрано не случайно. Все передовые достижения технологий, искусства, развлечений были собраны в одной точке на карте Европы – на Парижской торгово-промышленной выставке 1900 года. Цветное и звуковое кино, самодвижущиеся тротуары, автомобили, электропоезда, гигантские панорамы. Какой фильм можно было бы снять об этом!

Из романов Сергея Лукьяненко мы знаем, какими стали Дозоры в конце XX века. Но как они приняли новый мир, где рядом с прогрессом уживается регресс, а вместе с торжеством разума – магия и суеверия?

Об этом и повествует наш многослойный кинороман.

Над картиной работали

Сценарий и режиссура – *Аркадий Шушпанов*
(сюжет, диалоги)

Художник-постановщик – *Александр Сальников*
(декорации, антураж)

Режиссер озвучания – *Ольга Баумгертнер*
(стиль, язык)

Работа с актерами – *Алекс де Клемешье*
(персонажи)

Исполнительный продюсер – *Андрей Синицын*
(куратор проекта)

Директор картины – *Сергей Лукьяненко*
(автор мира)

Основано на реальных событиях²

² События Всемирной торгово-промышленной выставки в Париже в апреле – ноябре 1900 года.

Лента 1. Прибытие поезда

Пролог

Риск неблагоприятного развития событий имеется всегда.

Этот риск и добавляет жизни азарт. По крайней мере Марсель Каро полагал именно так. Хрупкий шанс, что девушка все-таки не придет, испугается, примет все за дурной розыгрыш или экстравагантную попытку соблазнения, остался неизменным. Каро видел это в линиях судьбы, которые не спеша, как пасьянс, раскладывал перед собой прямо над недопитым «Сюз» в низком гобеле.

Но теперь карты сложились. На последней из линий возникла странная неопределенность, однако Каро не обратил на нее должного внимания. План исполнялся.

Девушка пришла.

Остановилась на пороге «Олимпии», левой рукой придерживая юбку так, чтобы шлейфик не касался пола, тревожно оглядела зал.

Амулет, скрытый до поры под шелковой сорочкой Каро, ожил и словно потянулся к девушке. Марсель уже вложил в него волос Лизетт, и теперь камень в оправе сделал «стойку» подобно охотничьему псу. Получив крупицу живительной силы, он жаждал иметь все.

Лизетт нашла взглядом Каро и решительно двинулась к нему.

– Гарсон! – негромко подозвал Темный.

Он галантно поднялся и усадил мадемуазель напротив. Не сказать чтобы красавица, но и не дурнушка, одета со вкусом. Модная шляпка с цветами и лентами очень шла ее образу. К необъяснимому удовольствию Марселя, среди деталей ее платья для прогулок не оказалось мужских элементов, которые все чаще стали появляться в костюмах парижанок на стыке XIX и XX веков. А еще она не была надушена, и ее молодое тело благоухало свежестью. И самую капельку – волнением. Впрочем, именно сию минуту для планов Каро это не имело ни малейшего значения.

Официант принес заказанный каталонский «Бирр» для девушки.

– Вы мне поверили... – с мягкой улыбкой констатировал Марсель.

– Я провела детство в Барбизоне, у тетки, – ответила Лизетт. – Когда мне было три или четыре года, в Фонтенбло нашли мертвого мальчика. Его загрыз дикий зверь. Говорили, это могла быть большая собака, страдающая бешенством. Или помесь волка и собаки. Но зверь не просто убил мальчика, он забрал часть... Это было ужасно. Я даже забыла обо всем... пока вы мне не показали ту бумагу. Потом я вспомнила. Даже как звали мальчика – Николая.

– Мадемуазель Дюпон, как только выполните свою часть

соглашения, бумага станет вашей, – заверил Каро. – Можете сжечь ее или хранить всю оставшуюся долгую-долгую жизнь. Только не сможете показать внукам, все равно ничего не увидят. Для них это будет лишь скучный банковский вексель.

– Боже, как мерзко! – Лизетт не притрагивалась к бокалу, тербя салфетку. – Я не видела тело Николая, конечно же, но я вспомнила все, о чем тогда шептались вокруг. Теперь я понимаю. Это был гару³. На пса устроили облаву, но ничего из этого не вышло.

– Возможно, на промысел выходил апаш. – Марсель осторожно, не переступая рамок приличий, коснулся руки девушки, унимая ее дрожь. – Без лицензии. Их не выписывают на детей.

– Вот это и есть самое мерзкое, месье Каро! – твердо сказала девушка. – Выдавать охотничьи лицензии на людей волкам...

Сполохи гнева залили ее ауру так же легко, как пожар способен охватить сенегальскую деревню.

– Мы говорили об этом при первой встрече, мадемуазель. Всем приходится мириться со злом мира. Если бы не было лицензиатства, гару резали бы людей всякую ночь и охотились стаями. Ведьмы изводили бы кого пожелают. А огры обложили селения данью в виде младенцев.

– Огры тоже существуют? – В ауре девушки пустила ростки зелень удивления.

³ Le garou (фр.) – оборотень.

– Увы, мадемуазель, да, – кивнул Марсель. – Правда, они неотличимы от людей. Лишь такой, как я, может увидеть их истинное обличье.

– Им тоже выдают... лицензии? – Девушку передернуло.

– Иногда, – уклончиво ответил Марсель. – Впрочем, ваша участь была бы печальной, но не столь кошмарной. Вы не просто не почувствовали бы ничего болезненного, а даже испытали бы некоторый экстаз... Жертва вампира отдает жизнь с улыбкой на устах. Так что ваш лотерейный билет не был настолько несчастливym, как может показаться.

– Вы еще находите повод шутить?

– Мадемуазель, поживите с мое и будете находить его в самых неожиданных вещах. И поверьте, у вас есть все шансы прожить с мое. Когда наш уговор будет исполнен... – Марселя прервали звуки задорного скерцо. Под наделавшего шума «Ученика чародея» Дюка он вытянул из кармашка жилета золотой репетир, выразительно на него посмотрел и надавил кнопку, разом придушив мелодию. – ...вы навсегда забудете об этой презренной лотерее.

– Нам пора? – В ауре Лизетт вновь прорисовались разводы страха.

– Вы еще успеете допить это чудесное вино. Более того, я предлагаю подняться в театр и посмотреть синема. Это вас отвлечет.

– Туда нелегко попасть, месье Каро. Я еще не видела этих представлений...

– Поверьте, оно того стоит. О билетах я позабочусь.

Марсель позаботился о билетах по-своему. Собственно, он никогда их не покупал. Ни в театр, ни в «Мулен Руж», ни на пароход. «J'entre gratis!»⁴

Почему-то этот принцип распространялся только на билеты, за все остальное Марсель всегда предпочитал расплачиваться.

Лизетт удивилась, когда капельдинер просто не заметил их пару, словно они были невидимы.

Вереница из нескольких движущихся картин промелькнула незаметно. Марсель почти не смотрел на экран, краем глаза проверяя ауру Лизетт. Он чувствовал себя художником, из этих... импрессионистов, чьи холсты похожи на пестрые наборы пятен. Удивление, испуг, смех и тревога, когда девушка вспоминала о цели сегодняшнего вечера, – все расцветчивалось на живом полотне. Каро вспомнил портрет актрисы Самари кисти Ренуара, виденный им в семьдесят девятом в Парижском Салоне. Он даже хотел тогда направить санинтель⁵ и проверить, не способен ли живописец видеть чужие ауры. Но санинтель и сами не дремали. Как узнал впоследствии Каро, Ренуара уже испытывали, однако тот оказался человеком.

Впрочем, у художников грань между Иным и не Иным по-

⁴ «Я прохожу бесплатно!» (*фр.*) – реплика из комедии Э. Ростана «Сирано де Бержерак», акт 1, явление 1 (пер. Т.Л. Щепкиной-Куперник).

⁵ Les sentinelles (*фр.*) – дозорные.

рой слишком тонка...

– Поразительно, – проговорила Лизетт, когда выходила из «Олимпии», опираясь на руку Марсея. – Вы не находите, месье Каро? Люди научились делать живые фотографии, но не могут справиться с вампирами.

– Поверьте, мадемуазель, это вопрос не прогресса, а человеческой природы, – изрек Каро. – Вот увидите, пройдет не так много времени, и смотреть, как чудак поливает себя из шланга, публике надоест. Тогда на простыне начнут демонстрировать и сказки с вампирами. Вам еще любопытно будет посетить иллюзион Мельеса, там уже показывают удивительных призраков.

Марсея всегда привлекало искусство, он коллекционировал живописные полотна и был завзятым театралом, но движущиеся картины стали его новой страстью. Первый раз он видел синема, когда еще показы шли в «Гран Кафе», а не в зале «Олимпии». Картина прибытия поезда на вокзал Ла-Сьота впечатлила едва ли меньше, чем самый первый вход в Сумрак в приснопамятном 1816 году.

По странной шутке провидения, демонстрировали это люди, сама фамилия которых была Люмьер – «Светлые». И тоже – самые обычные, удачливые промышленники и не более того.

Уже основательно стемнело. Бульвар Капуцинок жил своей жизнью, которая год от года становилась все более и более торопливой.

Каро подозвал фиакр и велел ехать на площадь Альма.

Девушка всю дорогу задумчиво молчала, будто вслушиваясь в цокот копыт по булыжнику. Амулет на груди Марселя пульсировал как еще одно маленькое каменное сердце из неизвестной сказки. Он жаждал, и вожденный объект был совсем рядом, так близко...

Но утолять жажду было еще рано.

На площади они отпустили экипаж и направились к Сене. У недавно выросшего за счет пешеходной части арочного моста свернули направо и пошли вниз по течению. В спину им пристально смотрели каменные часовые – зуав, артиллерист, пехотинец и гренадер, – каждый со своего устоя. Волны Сены били о постаменты.

– Почему это нужно делать именно там? – Лизетт и сама не замечала, как сильно сжимает руку того, кто обязался быть ее спасителем.

Она не знала, что спаситель на деле собирался примерить на себя роль убийцы.

– Видите ли, мадемуазель, это одно из условий ритуала. Место должно быть окутано легендами, быть сакральным и по возможности очень древним. В нем должна концентрироваться магическая сила города.

– Но ведь это построили совсем недавно.

– Поймите, речь идет о духовной сущности, а не о веществе. Гений месье Робида воплотил старый Париж. Дух древнего города теперь здесь, а не в Нотр-Дам и даже не в ката-

комбах. И вряд ли вам понравилось бы в катакомбах...

– Да, верно, – задумчиво согласилась Лизетт.

Марсель лгал. Он рассматривал катакомбы как вполне достойное место для ритуала, но затем передумал. Для того чтобы наплатить амулет, мало было древности. Путаные строки колдовской книги говорили о месте связи былого и грядущего. А такое место теперь одно во всем городе: экспозиция старого Парижа на набережной Дебийи. От входа через Сену была отлично видна подсвеченная электрическими огнями башня Эйфеля.

Сторож не заметил ночных гостей, подобно капельдинеру в «Олимпии».

Старый Париж узкой полоской протянулся по набережной, окна средневековых зданий смотрели на величественные павильоны Наций. В этих стрельчатых окнах пока не было огня.

Город ждал выставки. Многие павильоны еще были в лесах, и газетные карикатуристы ежедневно упражнялись в остроумии. Но старый Париж замер в ожидании своего триумфа.

Уже через день на его улицы должны были выйти мушкетеры и хорошенькие цветочницы в старинных платьях. А сейчас здесь было пустынно и темно. Охранялось все по самому низкому разряду. Случайных прохожих тут не предполагалось, красть пока еще было нечего, уличные лавки не заполнились товаром и не зазвенели монеты на стойках кафе.

Клошары же, напуганные озверевшими перед празднеством ажанами, предпочитали теперь восточную часть города.

Все же Каро, страхуясь, прикрыл и себя, и Лизетт магическим зонтом, известным прогрессивным Иным как «сфера невнимания».

Их встретила высокая крепостная башня – шателет. Конечно, серый камень был всего лишь иллюзией, почти все здесь мастерили из дерева. Но решетка ворот шателета оказалась из настоящей стали.

Пришлось идти через Сумрак.

– Закройте глаза, – предупредил Марсель. – Ненадолго станет очень холодно. Не обращайтесь внимания и держитесь за мою руку.

К счастью, на первом слое, даже если бы Лизетт все-таки открыла глаза, она не увидела бы своего провожатого в сумеречном обличье. Но все же смотреть было ни к чему, тем более пульсирующий амулет наверняка проявил бы себя. Когда глаза было позволено открыть, девушка оглянулась и увидела решетку за спиной.

– Вы волшебник, месье Каро...

– Темный волшебник, – печально сказал Марсель. – Идемте скорее.

Они прошли тесными улочками и вскоре вышли к башне Ла Тур дю Лувр. Поначалу Каро хотел выбрать местом ритуала воспроизведенный дом Николя Фламелья. Но тоже передумал, тщательно проверив, как протекает здесь Сила.

– Взойдем. – Каро указал наверх.

Теперь в ауре девушки распулся страх.

Все складывалось наилучшим образом. Вампир Арман Лануа, одолживший Марселю лицензию, предлагал возвести девушку на башню с помощью Зова. Каро воспротивился.

Чтобы наполнить амулет, нужна особая гамма эмоций. Причем гамма чистая, без примеси магии. Тогда девушка отдаст всю свою молодую нерастраченную внутреннюю силу камню. И явиться она должна была добровольно, это обязательное условие книги.

Оставалось совсем недолго.

Арман наверняка спрятался неподалеку. Он получит кровь Лизетт. Каро солгал ей наполовину. Она не умрет с улыбкой на устах. Но и не ощутит ни боли, ни страха – вампир завладеет ее телом, уже лишенным чувств. По уговору с Каро ему достанутся только крохи: кровь девушки уже не будет столь напитана Силой. Но мощь амулета прельстила и вампира, как прельстила куда более опытного Темного Марсея.

Как вывести из игры самого Армана, Каро уже продумал в общих чертах. Главное, сначала влить все, что нужно, в амулет. Это будет первой каплей, всего же их должно влить тринадцать. Старые ведьмовские рецепты...

Скоро. Уже скоро.

Самая высокая башня старого Парижа. И самая высокая башня Парижа нового, вид которой преследует тебя в цен-

тре города. Все сходится. Нужно лишь подняться. Прочесть заклинания. Добыть каплю крови. Бедняжка Лизетт согласилась пожертвовать долей своей жизни, чтобы переиграть вампирскую лотерею.

Каро уже тянул девушку за собой к башне, когда почувствовал неладное. Чутье подсказало, что следует предпринять – оставить Лизетт и немедленно шагнуть в Сумрак.

А в Сумраке у башни был еще кто-то.

Сперва Каро решил – это Арман. Но быстро понял, что ошибся. Тот, кто приближался, не был вампиром. Не был даже Иным, ибо не имел ауры.

Древний, старый и волосатый, как мифический Пан, – казалось, он весь зарос мхом синего цвета, первым жителем Сумрака. «Воплощенный дух старого Парижа...» – ни с того ни с сего подумал Каро.

Нечто прыгнуло ему навстречу.

Не так уж много вещей за последние полвека могли заставить Каро испугаться. Марсель вдруг понял, что бессилен. Темный Иной четвертого ранга, не последний маг Парижа, словно разом забыл все заклятия. Он мог бы погрузиться дальше в серую утробу Сумрака, но не испытывал сомнений: это создание легко дотянется до него и там. Именно бессилие устрасило Марселя больше всего остального.

Амулет жег грудь, и тогда Каро догадался, что привлекло сюда сумеречного полузверя.

– Возьми! – Скованный ужасом, он рванул сорочку на гру-

ди, оборвал тонкую золотую цепь и протянул амулет. – Милости твоей прошу! Милости...

Покрытая мхом рука – или лапа? или ветвь? – приняла амулет. Размером эта длань раза в три превосходила руку Марсея.

– Его нужно напитать, – торопливо заговорил Каро. – Дева, предназначенная Договором отдать жизнь и кровь... Она здесь...

Чудовище подняло амулет высоко. Теперь оно походило на обезьяну с улицы Морг из новеллы того мрачного американца... ходили слухи – тоже Иного.

Орангутанг как будто рассматривал дорогие карманные часы, снятые с новой жертвы. В следующий момент чудовище раскрыло пасть и отправило амулет туда.

Марсель запоздало вспомнил, что когда-то его крестили в католическую веру. За много десятилетий, с момента посвящения в Иные, он не посетил ни единой мессы и лишь теперь вдруг пожалел об этом.

Пожалел, когда мохнатая лапа с выпущенными когтями потянулась к нему в холоде вечно серого мира.

Старый Париж в этом мире ничуть не менялся. Как многие старики, этот был глух, и крик Марсея без отклика потонул в его зыби.

...Лизетт испытала настоящий ужас, когда ее спутник внезапно растворился в воздухе. Только что она чувствовала его уверенную руку в перчатке – и вот пустота.

Впрочем, пустота ощущалась недолго. Через минуту в ладонь девушки упала бумага, свернутая в трубку.

Даже скудного света вполне хватило, чтобы разобрать: это лицензия на ее смерть, показанная недавно месье Каро и обещанная в дар. Лизетт могла ее прочесть лишь при помощи самого Марсея: тот утверждал, что простые смертные не в состоянии увидеть истинный текст документа.

Девушка бросилась бежать. Она не могла объяснить, что владеет ею. Она боялась всего: стать добычей гару, заблудиться в этих бутафорских улицах, столь похожих на настоящие, умереть от собственного страха.

Потом она вспомнила, что ворота закрывает решетка, через которую ей не пройти без Каро.

Неожиданно для самой себя Лизетт выбежала на набережную. Город светил с того берега Сены, били лучи прожекторов с далекой башни Эйфеля.

– Помогите! – закричала девушка.

Как ни странно, огни виднелись и на реке. Кто-то плыл на катере.

– Помогите, – крикнула Лизетт что было сил.

У нее возникло желание кинуться в воду. Но плавала она плохо.

– Мадемуазель, мы здесь, – раздался уверенный голос за спиной.

У Лизетт перехватило дыхание, она резко обернулась. Два господина, один постарше, другой помоложе, в костюмах и одинаковых котелках, с тростями. Набалдашники тростей светились, будто в них были встроены неяркие электрические лампы.

Страх на миг отступил. Девушка решила – это какая-то охрана выставки.

– Что случилось, мадемуазель? – заговорил молодой и безусый. – На вас напали? Вас преследуют?

– Нет... – Лизетт сама не своя шагнула к ним и зачем-то показала свернутую лицензию.

– Мы вас прово... – начал было молодой, но тут девушка упала в обморок.

Упала она тем не менее на руки не молодому, а другому, постарше, обладателю лихо закрученных усов.

Зато молодому досталась бумага.

– Что там, Жанно? – буркнул усач, бережно поддерживая свою ношу.

Его трость покатила по мостовой, тусклый свет набалдашника померк.

Молодой вместо ответа торопливо скинул пиджак, бросил прямо на землю, сверху они опустили бесчувственную

девушку. Старший, освободив руки, начал делать пассы над головой Лизетт.

– Крепкая, – заключил он наконец и вытер пот со лба. – Оправится. Так что там, Жанно?

Молодой развернул бумагу.

– Вампирская лицензия. На имя мадемуазель Элизы Дюпон. Выдана Арману Лануа одиннадцатого апреля сего года.

– Вот же... – Старший подкрутил ус.

– Кто-то очень вовремя прикончил Лануа, – кивнул молодой.

Часть вампирского праха, найденная вблизи улицы Старых Школ, хранилась в бумажном пакете за пазухой Жана. Остальное должен был забрать вызванный патруль, которого бы полагалось дожидаться, но они услышали девичьи крики.

Ночные санинелль давно собирали досье на Лануа. Тот не был законопослушным вампиром, но о его делишках продолжительное время толком ничего не удавалось разузнать. Кто-то ему покровительствовал, кто-то из более опытных парижских Темных. Вероятно, покровитель и решил наконец от него избавиться, как от улики. Или это сделал одиночка-Светлый: такие Рокамболи, увы, попадались не так уж и редко. Правда, значительно реже, чем сорвавшиеся оборотни или ловкачи-кровопийцы.

– Мертвяку поделом, – высказался старший, подхватывая на руки Лизетт. Напряглась под костюмом мускулатура бывшего циркового борца. – Но откуда у нее своя же собствен-

ная лицензия?

– Я останусь с патрулем, и мы прочешем окрестности, – торопливо заговорил Жан. Он, похоже, чувствовал неловкость, что не сам несет девушку, а должен подхватить лишь трости. – Может, что-то еще найдем.

– Лицензию не забудь прикрепить к донесению, – бросил старший.

– Разумеется, Бернар! – обиженным тоном проговорил Жан.

В то же время начинающий санинтель подумал, что жаль, нельзя оставить эту бумагу девушке на память. Хотя она все равно ничего бы в ней не разобрала. Но самым важным было то, что лицензируемый смертный, по какой бы то ни было причине избежавший своей участи, никогда более не допускался к лотерее.

Девушке несказанно повезло.

Глава 1

– Недурственно! – обронил Пресветлый.

На белом полотне плясали уже одни бесформенные черные пятна, словно обрывки разорванных в клочья теней. Потом и они растворились в луче света из фантаскопа.

– Да, это, безусловно... – протянул невысокий Жермензон.

В подвальном отделении московского департамента Ночного Дозора собрались всего несколько человек. Кинематографическое ревю здесь устроили лишь потому, что в помещении не было окон. Стулья – и те принесли из библиотеки с архивом, которые располагались по соседству. На краснокирпичной стене растянули полотно. На противоположной стороне установили тумбу с аппаратом.

– А наши французские коллеги – неужели не пытались? – уточнил Жермензон. – Ведь даже этот аппарат привезен из Парижа, если мне не изменяет зрение...

– Как же, Марк Эммануилыч? – обернулся к нему сидевший в первом ряду начальник дозорной лаборатории Вихрев. – Пробовали французы и так, и эдак. Мы их бюллетени регулярно получаем. Однако только Леониду Сергеевичу удалось создать нужную эмульсию для пленки.

– Но вы даже не химик, молодой человек, не так ли? – снял пенсне Жермензон.

– Диплома не имею никакого, – сознался Леонид. – Учился в медицинском, но курса не окончил.

– Ясно. Путь обыкновенный. Инициация... сиречь посвящение, потом Дозор.

– Исключен за участие в нелегальном кружке, – расправил плечи Леонид. – Посвящен в Иные год спустя. До того служил в фотографической лаборатории ассистентом. Слушал также курс практической фотографии у господина Прокудина-Горского.

– А химию тем не менее вы наверняка заучили на «отлично», – задумчиво сказал Жермензон и ехидно прищурился. – Вы, часом, не из бомбистов?

Леонид покраснел и опять ссутулился.

– Судя по тому, как отзывается о господине Александрове научный департамент петербургского Дозора, за эти три года он сделал большие успехи в магии вещества. Особенно в химических и оптических эффектах, – вступился за подчиненного начальник московского департамента.

– Был бы на другой стороне – прямая дорога в ведьмаки, – поддержал из угла обычно молчаливый Семен Павлович.

– Но он не Темный, – констатировал Вихрев.

– Будущий Темный никогда не стал бы посещать утопический кружок. – Марк Эммануилович бережно вытирал пенсне хлопчатобумажным платком.

– Я не просто так посещал, – глухо сказал Леонид. – Я его и устроил с товарищами.

Он чувствовал себя не в своей тарелке.

Большинство окружающих были настолько стары, что Александров не поверил бы в их существование всего четыре года назад. Даже неприметному Семену Павловичу Колобову, едва ли не самому молодому из присутствующих и вне официоза предпочитающему, чтобы его называли по одному только имени, было уже по меньшей мере лет сто. Пусть Семен и не афишировал этого, но тут внимательному и умеющему слушать достаточно было нескольких случайных оговорок. Например, однажды Колобов обмолвился, что еще в пятидесятых, на Крымской войне, уже умел применять «заморозку».

Четыре года назад студент Леня верил в одни только естественные науки. Он верил в науку и теперь и менее всего в своей новой жизни любил слова «магия» и «волшебство», почитая их еще не познанными явлениями природы. Но все кругом думали иначе. Даже ученые из лабораторий Дозора. А тут на показ его особенной кинематографической пленки сошлись не только маги первого и второго ранга, но и несколько Высших во главе с Пресветлым. Чего стоил один только отчаянный боевой маг Жермензон, о нем рассказывали еще в петербургской дозорной школе! Однако наибольшее волнение вызывал почему-то не он и даже не Пресветлый, а человек, который помалкивал в углу напротив кряжистого Семена Павловича. Столь же непонятен был его ранг – но к этому Леонид уже давно привык со свои-

ми весьма скромными возможностями. Рост средний, волосы черные с небольшой примесью серебра, глаза темные и внимательные. Пока заряжал пленку, по негромкому разговору Леонид узнал, что Иной этот прибыл откуда-то из Туркестана, где возглавлял Ночной Дозор едва ли не губернского значения.

Леонид так же плохо разбирался в уровнях Силы, как и в сложной субординации Дозоров. Он знал, например, что московский Пресветлый считается верховным во всей империи. Так повелось издавна, и когда Петр Великий перенес столицу в Северную Пальмиру, менять ничего не стали. К тому же случилось и так, что славный город Петра негласно сделался в большей степени обиталищем Темных, хотя известное перемирие и равновесие, скрепленное Договором, формально блюлось.

А может, еще играло свою роль, что Москва – Третий Рим, а четвертому не быти...

– Нам, господа, по всему, следовало бы озадачиться внедрением дозорных в нелегальные организации студентов. Готов биться об заклад, мы бы выявили больше Светлых, – опять высказался Жермензон.

– Предпринимается, Марк Эммануилович, – откликнулся Пресветлый. – Господа, думаю, ни у кого не возникло сомнений, что изобретение Леонида Сергеевича достойно представлять российские силы Света на парижской выставке? Между прочим, туда же поедут и фотографии его настав-

ника Прокудина-Горского. Но ученик явно не ударит в грязь лицом. Пусть и не все увидят его достижения.

Возражений не нашлось.

– Тогда наше совещание объявляю закрытым. – Пресветлый встал.

Зрители импровизированного электрического театра направились к выходу и далее – к лифту, который с недавних пор установили в здании.

– Леонид Сергеевич, когда соберете аппарат, я прошу вас подняться ко мне в кабинет. – Глава московского Дозора приблизился вместе с гостем из Туркестана. – Кстати, должен вас познакомить.

Он повернулся к гостю:

– Рекомендовать вам этого молодого человека, полагаю, уже будет излишним...

– Разумеется, – склонил голову «туркестанец».

– А этому молодому человеку как называть вас? – В словах и мимике Пресветлого Леонид уловил легкую тень усмешки.

Эти два могущественных Иных явно знали друг друга очень и очень давно, пройдя много такого, что не снилось не только человеку, но и слабосильному магу.

– Пусть зовет меня Гэссар, – ответил гость. Посмотрел на окаменевшее лицо Леонида и добавил: – Или просто Борис Игнатъевич.

В кабинете Пресветлого Леонид оказался впервые. Зал с высокими потолками можно было бы назвать просторным, если бы он не был весь заставлен шкафами мореного дуба, где за прозрачными дверцами ждали своего часа древние уникалы. Обитель Великого мага более всего напоминала Кунсткамеру. В простенках висели дикарские маски и оружие, хотя в красном углу над письменным столом разместились привычные русскому глазу образа. Среди всей древности, впрочем, прятались и вполне современные предметы, к примеру фонограф Эдисона, а на столике у окна – «Ундервуд» с заправленным листом хорошей бумаги.

Когда Леонид вошел, в кабинете находились всего двое: сам Пресветлый и Гэссар. Гость из Туркестана курил сигарку у распахнутого окна, откуда тянуло мартовским холодом. Пресветлый в своем кожаном кресле прихлебывал чай из стакана в медном подстаканнике. На столешнице перед ним лежал раскрытый «Всеобщий календарь на 1900 год». Такой же календарь Леонид видел перед отъездом в Москву. Он даже узнал картинку на развороте – главный вход на Парижскую всемирную художественную, промышленную и земледельческую выставку.

А еще он заметил рядом с пишущей машинкой довольно громоздкий предмет на серебряном подносе, накрытый бе-

лой тканью. У предмета была странная форма, не позволяющая судить о ней по изгибам покрывала.

Ранг Леонида был вполне достаточен, чтобы ощутить силу, идущую от таинственной вещи. Однако в присутствии двух Высших он не решился хорошенько рассмотреть загадку через Сумрак.

– С премьерой, Леонид Сергеевич, – без излишнего чувства, но весомо сказал Пресветлый.

Леонид поблагодарил.

– Кстати, а простые люди, вот, например, с улицы, могут посмотреть вашу... фильму? – поинтересовался гость у окна.

– Ничего не увидят, – пояснил кинематографист. – Для них это все будет простая уличная картина, если днем. А если ночью, то и вовсе ничего не разглядеть. Я снимаю при сумеречном фонаре.

– Сумеречный фонарь – отдельная находка дражайшего Леонида Сергеевича, – довольно сказал глава Дозора. – Агентура Вихрева... мелкие должники среди Темных... общали, что и научный отдел Дневного ведет такие работы. Но у них далеко не пошло.

– Там ничего такого нет, – признался Леонид. – То есть я ничего особенного не совершил. В основном уже все Фальц придумал, из Вены, конструкция была в «Магическом вестнике». Я только материал подобрал для дуги, чтобы должным образом рассеивал через Сумрак. А еще материал кристалла, который Силу накапливает и отдает, не от электри-

чества же этот фонарь будет работать.

– Жермензон прав. – Гэссар избавился от сигарки, бесцеремонно выбросив ее в окно, и прикрыл раму. – Несомненный ведьмаческий талант к магии вещества.

– Ведьмы – у Темных, – осторожно, но с достоинством поправил Леонид. – А у нас – Иные естествоиспытатели.

– Вот об испытании естества и поговорим. Присаживайтесь, голубчик, присаживайтесь! – велел Пресветлый.

Гэссар остался стоять. Он как будто не очень хотел отходить от столика с «Ундервудом» и предметом под белой тканью.

– Мы отнюдь не случайным образом остановились на вашей эмульсии. Пленка, которая может хотя бы частично запечатлеть Сумрак, безусловно, немалый шаг в его экспериментальном изучении. Хотя и отдел Вихрева, должен сказать, не спит. Больше того, Леонид Сергеевич... Не обольщайтесь, но есть исследования более глубокие. Например, что касается физиологии циркуляции Силы в организме. Или работа по линиям вероятности в области науки. На ближайшие три – пять лет предсказано, что русский ученый получит первую премию Нобеля. Вихрев утверждает, что наиболее четкие линии у профессора из Петербурга Ивана Петровича Павлова. Что же, поживем – увидим.

– Я понимаю, кинематограф – это сейчас развлечение публики, часто пустое. Но им можно снимать и явления природы! – дождавшись паузы, заговорил Леонид. – Или те же экс-

перименты для наглядности.

– Роль кинематографа, безусловно, важна для народного просвещения, – сказал Пресветлый. – А возможности не раскрыты наверняка еще и на малую долю. Как для людей, так и для нас. Но есть еще одна сторона вопроса. Вы повезете вашу усовершенствованную пленку именно в Париж, туда, где ее, так сказать, и придумали. В этом году российская экспозиция будет самой обширной за всю историю. – Он положил руку на календарь. – Мы должны показать, чего сумели достичь. Мы, Иные, тоже российские граждане. Как бы ни пытались Темные доказать, что они выше человеческого. Мы носим паспорта, а если нужно, то идем на войну.

– А кому я там буду показывать картины Сумрака? Иных, конечно, в Париже больше, чем даже в Москве или в Петербурге. Они туда со всей Европы, почитай, едут...

– Не только Европы, – заметил Гэссар.

– Нас все равно меньше в десять тысяч раз, чем обычных людей!

– Это нужно не для публики, – сказал Пресветлый.

Пауза в воздухе поплыла, словно основательное кольцо табачного дыма.

– По видимости, вам, голубчик, требуются разъяснения. Извольте. – Петр Афанасьевич снова помолчал. – Всего за полтора десятка лет до вашего рождения, Леонид Сергеевич, у нас отменили крепостное право. Всего полвека назад граф Клейнмихель организовал постройку первой российской же-

лезной дороги. А теперь мы должны занять одно из главных мест на промышленной выставке перед всем миром. Да, мы не покажем достижений электротехники, подобных вот этому прибору господина Эдисона. – Пресветлый махнул рукой в сторону фонографа. – Но мы покажем, что могут за короткий срок научное и техническое просвещение.

– ...И наша Российская империя еще не самый показательный пример, – вставил Гэссар. – Я недавно был в Японии. Боюсь, по технической военной мощи эти острова скоро обгонят и нас. А ведь еще недавно там господин имел право мечом срубить голову кому хочет.

– По Японии наши прорицатели и вовсе дают странный анализ. Твои наблюдения и выводы, Гэссар, им, кстати, очень пригодились, Вихрев еще будет лично благодарить. – Пресветлый опять поглядел на Леонида. – Мы, дозорные, в погоне за буквой Договора упустили, что люди стали сильнее Иных. Не только числом, но и умением. Нам все еще выписывают лицензии на применение лекарской магии. А простые человеческие медики уже научились врачевать безо всякого колдовства такое, что раньше было под силу только целителям! Про обратное и говорить нечего. Люди не могут брать Силу из Сумрака, зато могут из постоянного и переменного электрического тока. И даже вот это... – Он снова указал на фонограф. – Мне не известно ни единого заклинания, способного запечатлеть голос. Ауру – да, образ – да, но отдельно голос! А химия? Изобретены такие вещества, которые вовсе

не хранят Силу! Более того, люди проникают туда, где Иные, всего вероятнее, существовать просто не могут. Ранее, где бы ни ступала нога первопроходцев, шедшие за ними Иные всегда находили себе подобных. И в Америке, и в Океании, и вблизи мыса Доброй Надежды. Но мы не знаем, есть ли Иные в Антарктике. И можно ли войти в Сумрак на Северном полюсе? Что там – никто даже не пытался войти туда с подводной лодки!

Он вновь сделал паузу.

Гэссар тоже молчал. Не говорил и Леонид. Он ни разу не видел настоящего подводного судна, только на картинках.

– А главное все же не в этом, – опять заговорил Петр Афанасьевич. – Прогресс, как и все в человеческих руках, имеет светлую и темную стороны. Но впервые, пожалуй, в истории светлая – больше. Да, массы еще темны, да, мистицизма людям хватает, но недаром и само слово «просвещение» в корне имеет «свет». Взять хотя бы, что многие попросту отказываются верить в оборотней, вампиров и колдунов. В светлых волшебников тоже, но нам в этом ничего опасного нет. А вот Темным – уже худо. Не верят – значит не боятся. Мы не работаем со страхом, а Темные – работают. Дальше что ж – можете вообразить сами. Впервые за века Светлые могут получить не моральный, а численный перевес. Темных это беспокоит. Но хуже того... Это беспокоит Инквизицию.

Про Инквизицию Леонид слышал. Живого Инквизитора он не видал, как той же субмарины. Инквизиторы все-

гда представлялись ему кем-то вроде мрачных церковников с факелами и распятиями. В Дозоре ему говорили, что это все бредни. Обыкновенные Иные, кто-то вроде жандармов над Светлыми и Темными. Идут туда из Дозоров. Есть такие, кому и Свет не дорог, и не Тьма близка, а важна одна лишь надчеловеческая и даже надмагическая справедливость. Они тоже нужны. Ведь без судей только будущее человечество обойдется, да и то, наверное, много лет спустя после всемирной революции. Что тогда про Иных рассуждать?

– ...Я все больше слышу разговоров о том, что людей пора бы и задержать. Что они рано или поздно уничтожат сами себя, а заодно и нас какими-нибудь гигантскими пушками. Либо все же откроют секрет нашего существования – и еще не известно, что хуже. Вот почему Иные первый раз наряду с людьми участвуют не в войнах, а в большом человеческом деле этой выставки. По крайней мере в таком масштабе. Силы Света и Тьмы должны показать друг другу и самим себе, на что они способны в этом новом мире. И если Светлые дадут маху, Инквизиция лицензирует Тьму на сдерживание людей, чего Темные давно уже добиваются. Самой же выставкой дело не ограничится. Сразу после открытия будет особое совещание Иных под председательством глав Европейского Бюро. Ожидаются некие заявления. Вплоть до предложений внести совместные поправки в Договор. Потому мы должны выступить во всеоружии.

– Но тогда... – начал, помедлив, Леонид. – Пленка – это

всего лишь пленка. Картины Сумрака – это же не оружие. Да и я, признаться... Ну какой из меня маг?

– Разумеется, нет, Леонид Сергеевич, голубчик, пленка – не главный козырь. Больше того, скажу прямо: это наш отвлекающий маневр. Первую скрипку во всем оркестре Иных на этой выставке будут играть парижские Дозоры как принимающая сторона. Инквизиторы – они лишь разрешают или запрещают да еще следят за исполнением, а делают за них дозорные. Парижский Ночной – лучший в Европе. Вероятно, даже лучший в мире на сегодняшний день. Много сильнее тамошнего Дневного, во всяком случае, а это уже дорогого стоит. Вы думаете, спроста ли выставка проводится именно в Париже, а не в Берлине или, скажем, Лондоне? Светлые парижане знают, за какие ниточки дернуть. Поэтому наша первейшая задача – оказать всяческую поддержку французскому Ночному Дозору. Ваши сумеречные картины им, безусловно, будут полезны, но еще полезнее – мощный артефакт и опытный советник. Мы предоставим им все это, а вы – отвезете вместе с вашим аппаратом.

Леонид посмотрел на предмет, накрытый белой тканью.

Вот оно что. Артефакт. А советник, выходит...

Он перевел глаза на Гэссара.

– Нет, – сказал гость из Туркестана, видимо, угадав мысли неопытного Иного без всякой магии. – Отнюдь не я.

– Здесь нужен Иной особенного порядка, – сказал Пресветлый. – Иной, который понимает науку так же хорошо,

как и магию. Мы родились во времена, когда Земля считалась диском, а пороху не знали даже в Китае. От нас толку, увы, мало...

– А есть такой Иной? – удивился Леонид. – У нас, в России?

– И да и нет, – ответил Петр Афанасьевич. – Был по крайней мере.

– И будет, – сказал Гэссар.

Он наконец сдернул белое покрывало с таинственного предмета. Под тканью обнаружился сросток больших зеленых кристаллов. Леонид без труда опознал в них изумруды.

– Эту друзу, – пояснил Петр Афанасьевич, – привез в Россию граф Сен-Жермен.

– Он был Иным?

За последние два года бывший студент Леня многое узнал об исторических лицах с неожиданной, так сказать, Иной стороны. Но по-прежнему удивлялся, когда персоны, которые прежде считались обыкновенными пройдохами, оказывались принадлежащими к магическому племени.

– Да, и притом Светлым. Негласным и нештатным агентом французского Ночного Дозора. А французы давали жару уже тогда! Для графа была найдена гениальная маскировка. Он выдавал себя за мага, но вел дело так, чтобы прослыть шарлатаном. Потому люди, достаточно проницательные, чтобы путем умозаключений прийти к идее нашего существования, делали обратный вывод. А для глупцов Сен-Жермен время

от времени показывал несложные магические трюки, подливая масло в огонь их легковерия. Извольте убедиться – этими стараниями легенда о нем дожила до наших дней. Даже господин Пушкин к этому руку приложил...

«Пиковую даму» Леонид, конечно, читывал еще в гимназии.

– Сен-Жермен был на деле двойным авантюристом, – заметил Борис Игнатьевич. – Людей он убеждал, что маг, а Темных – что слабый Иной. Никому другому на моей памяти такое с рук не сходило.

– Он жив? – осмелился спросить Леонид.

– Исчез, – ответил Пресветлый. – Уже лет сто ни слуху ни духу. По официальному сообщению, скончался, но что это значит для Иного подобного ранга! У Ночных Дозоров довольно забот, чтобы его искать. А Инквизиции и Темным он неинтересен, потому что до того, как пропал, не совершил никаких проступков. Впрочем, к делу! В одна тысяча семьсот шестьдесят втором году граф инкогнито посетил Россию. Да-да, вы помните наверняка историю, Леонид Сергеевич. Наш Дозор оказал поддержку заговорщикам, а Сен-Жермен должен был поддержать в ту пору ослабевший Ночной. И он поддержал – в том числе вот этим.

Рука Пресветлого указала на друзу.

– Признаться, на редкость сложная вещь, любезный Леонид Сергеевич. Современные маги идут по пути обособленности задач. Одна задача – суть один артефакт. Но тогда

любили искать универсальные средства вроде философского камня. Иные, кстати, тоже отдали немало времени и сил его поискам, пока не бросили это бесполезное занятие. Однако вот обломок той эпохи. Друза, всех тайн которой не ведает никто. Сен-Жермен привез ее с собой, а здесь дополнительно вложил силу и искусство.

По изумрудным кристаллам ходили отсветы. Присутствие Силы тоже ощущалось непривычно... как некий запах в химической лаборатории, который неизвестно от какой реакции взялся. Ранее, еще гимназистом старших классов, Леня Александров и сам выращивал в склянках разного рода кристаллы, подчас весьма забавные с точки зрения и эстетической, и экспериментальной, но такого не видывал и в дозорной школе.

– Выходит, я тоже почти что Сен-Жермен, – высказался он. – Только везу ее обратно.

– Сен-Жермен здесь не вы, – усмехнулся Петр Афанасьевич. – Вы будете ассистентом того, кто помогал графу создать эту друзу. Вернее, того, *кому* граф помогал доработать эту друзу. Сен-Жермен сумел подняться только лишь до первого ранга.

Это «только лишь до первого ранга» выглядело насмешкой. Все равно что сказать о решившем отправиться вокруг света, что доплыл он только до мыса Горн.

Но прозвучало это из уст того, кто вокруг света все же объехал.

– Нашим французским коллегам нужен очень опытный консультант, – пояснил Петр Афанасьевич сконфуженному Леониду. – Маг вне всяких рангов. Но по соображениям политического толка ни я, ни... Борис Игнатьевич не можем выступить в этой роли. А более мощных Светлых, чем мы, в России наших дней, увы, нет.

– Откуда же возьмется другой Светлый? – не выдержал Леонид.

– Петр Афанасьевич хотел сказать – таковых нет среди живущих, – отпустил реплику Гэссар.

– Яков Вилимович Брюс, – сказал Пресветлый. – Вот кому вы должны будете ассистировать, дражайший Леонид Сергеевич.

Конечно, Александров слышал это имя. Он читал о Брюсе еще в «Русской старине» и в дозорной школе узнал, что сподвижник Петра Великого все-таки был магом, но не чернокнижником, а Светлым. Однако же в энциклопедическом словаре «Российские Иные», изданном всего в нескольких экземплярах для образовательных нужд петербургских и московских Дозоров, о Брюсе была только небольшая заметка.

Тем не менее прекрасная память сейчас же услужливо подсказала Леониду последнюю строчку: «Ушел в Сумрак 19 апреля 1735 года от Р. Х.».

– Постойте, – сказал тот, кого прочили в ассистенты мертвецу. – Друзю привезли в шестьдесят втором. А Брюс ушел в

тридцать пятом. Как ему мог помогать Сен-Жермен?

– Они никогда не встречались, – ответил вместо Петра Афанасьевича Гэссар. – Брюс был посвящен в Иные в Англии, когда прибыл туда вместе с царем Петром Алексеевичем осматривать технические заведения и мастерские Лондона. Впоследствии он остался в королевстве и продолжил совершенствоваться в магии. В нем сразу разглядели огромный скрытый талант Иного. Во время своего обучения Яков, как и вы, молодой человек, проявил большой интерес к магии вещества. Тогда это называлось алхимией. Друга, можно сказать, выпускная работа Брюса.

– В нее вложена часть его души. – Петр Афанасьевич подошел к другу и совершил несколько легких пассов над ней. – Раньше умели так делать. Это сейчас мы наполняем артефакты чистой силой, как батареи – электрическим током. А старые талисманы и магические орудия сродни щиту Ахиллеса: и в бой с ними можно было идти, и об эстетических чувствах создатели не забывали. Недаром старинные колдовские реликвии так ценятся.

– Как же тогда она попала к Сен-Жермену? – Леонид не сводил взгляд с друга.

– Яков Вилимович оставил ее в Англии. Потом она переходила из рук в руки, пока ее не прибрал парижский Ночной, – ответил Гэссар. – Было это еще в сороковые годы прошлого столетия. Кто-то пытался извлечь всю ее силу или, может, вытянуть главный секрет. Я знаю только, что друга по-

пала к парижанам расколотой, а граф Сен-Жермен сумел ее восстановить. Он вообще любил работать с драгоценными камнями. Можно сказать, то был его конек. Парижский Дозор не случайно именно этот предмет послал в Россию. До поры до времени он был у меня на хранении, но теперь мы передадим его французам. Как жест доброй воли.

Пресветлый все еще что-то делал над изумрудами. Кристаллы начали по-особенному играть, совершенно независимо от освещения кабинета.

Затем Петр Афанасьевич прекратил манипуляции и повернулся к Леониду:

– Не станем терять времени понапрасну. Я предвижу ваш следующий вопрос, Леонид Сергеевич. Каким образом мы вызовем Брюса из глубин Сумрака? Прав ли я?

Леониду ничего не оставалось, как кивнуть.

Одним из самых поразительных откровений, какие ему довелось изучить, было то, что Сумрак не имеет единства. Изначально Леонид думал, что магическая среда подобна другим известным ему средам – воздушной или водной. То есть имеет разную плотность в зависимости от высоты... хотя, скорее, тут все же глубины. В океане на разной глубине обитает различная флора и фауна, то же самое, полагал он, происходит и в Сумраке. А ушедшие маги сродни утопленникам или, вернее, даже русалкам и водяным – в своей среде они перерождаются. Водяные, кстати, бывают и на самом деле, среди сумеречных обличий Иных кого только нет – и

черти, и драконы, может, и русалки имеются.

А вот с непосредственным Сумраком все оказалось по-другому. Это не одна среда, а много независимых сред. Видимо, правильнее говорить о них как об отдельных мирах. Доподлинно известно о двух, называемых слоями. На первом бывал и Леонид. Но что творится еще глубже, на самых низких, оставалось только гадать. Так же, впрочем, как и о том, что творится на океанской глубине. Может, где-то на морском дне в земном мире и жители Атлантиды еще здравствуют, и твари доисторические... Что тогда говорить о мире неземном?

– Друза все еще хранит частицу его души. Следовательно, он ушел не весь. Не целиком. Тонкая нить еще связывает его с нашим миром.

Изумруды переливались. Теперь кристаллы напоминали зеленый маяк посреди зеленого суконного моря.

– ...Однако чтобы вытянуть его за ту нить, понадобятся разом силы всех Иных нескольких российских губерний.

– И даже в этом случае он продержался бы среди живых от силы несколько минут, – добавил Гэссар. – Естество не обманешь, и сверхъестество – не исключение.

– Но другой способ все же существует? – не удержался заинтригованный Леонид.

– Да, – ответил Гэссар. – Он известен магам Востока, но доступен только исключительно сильным. Таким, кто вне категорий. А Брюс был как раз из таких. Один мой старый

друг... пользовался им, у него-то я сам и научился. Вся трудность в том, что ушедший в Сумрак должен иметь ученика среди живых.

– ...А единственный ученик графа, к нашему великому сожалению, ехать в Париж не имеет сейчас никакой возможности. Перед уходом Брюс возложил на него весьма непростое поручение, – сказал Петр Афанасьевич⁶.

Гэссар понимающе кивнул. Они вдвоем словно исполняли фортепианный концерт в четыре руки для одного слушателя.

– Вы хотите сказать, что я стану учеником Брюса? – изумился Леонид, так и не решившись спросить, в чем состоит поручение того, другого ученика. – Но как?!

– Через друзю, – сказал Гэссар. – Мы призовем его, и вы, молодой человек, попросите его стать вашим наставником. Сумрак чтит и поддерживает родство учителя и ученика, которое крепче родства по крови. И тогда вы сможете стать поводырем Якова Вилимовича. Его глазами и ушами.

– А коли не возьмет? Кто я, а кто – он?

– Об этом, любезный Леонид Сергеевич, не беспокойтесь, – вместо гостя из Туркестана заговорил опять Пресветлый. – Тень ушедшего лишена физического... то есть, если угодно, вещественного тела. Хотя и духом в традиционном

⁶ Подробнее об этом можно прочесть в рассказе Александра Сальникова «Ученик царева арихметчика», опубликованном в сборнике «Мелкий Дозор» (АСТ, 2015).

мистическом понимании не является. Ушедший Иной всегда между жизнью и смертью. Между человеческою жизнью и человеческою смертью. Это, возможно, наше главное проклятие. Но если мы встретимся с тенью... а мне приходилось не раз и не два... она видит не оболочку. Она видит нашу суть. То, что Сумрак проявляет десятками лет, пока не закрепит в нашем Ином облике, как на фотографической карточке, для ушедших очевидно, как в ясный день. Поверьте мне, Леонид Сергеевич, уж если мы не нашли лучшей кандидатуры, вряд ли сам Яков Брюс станет противиться. Другой вопрос, готовы ли вы?

– Я-то готов... – сказал Леонид.

– Тогда подойдите к другу, – неожиданно властно сказал Гэссар.

– Что, прямо теперь? – Младший сотрудник научного отдела петербургского Дозора оробел от так скоро развивающихся событий.

– Я, может быть, напрасно не сказал вам этого раньше, Леонид Сергеевич, голубчик, – покаялся Петр Афанасьевич. – Время дорого. Выезжаете уже завтра. Вдвоем.

– Войдите в Сумрак, но через тень, что падает от сияния камней, – распорядился Гэссар. – Я войду следом и скажу, что нужно далее...

Глава 2

У всех кланов оборотней Парижа принято было негласное правило: не охотиться в Булонском лесу. Существовало и другое: если все же охотишься в Булонском лесу – не оставляй улики. Ни одного трупа со следами звериных укусов не должны найти здесь ни Дозоры, ни «мухи»⁷.

Ночным сантинель оба этих правила, впрочем, тоже были отлично известны. Если в городской канаве или в катакомбах находили тело дамы полусвета с характерными следами, дознаватели обязательно опрашивали, так сказать, сослуживиц покойной, коих в этом лесу водилось больше, чем некогда пернатой дичи.

Однако постоянного патруля ни в Булонском, ни в Венсенском лесу все же не держали. Город велик, и, несмотря на то, что контролируется силами Света, мелкая Тьма неизменно превосходила числом. Сотрудников не хватало, и наведывались сюда хорошо если пару раз за ночь. Уследить всегда и за всеми не удавалось. Чем и собирался воспользоваться Жак Мартэн.

Он чувствовал: момент приближается.

Это ощущали, наверное, теперь все Иные в Париже. Но особенно те, кто был так близок натуре. К изначальной на-

⁷ Mouches (*фр.*) – «мухи», уничижительное прозвище французских полицейских, аналог российского «легалые».

туре, что объединяла людей, Иных и зверей.

Новое время будет не то что старое, судачили в подвальной таверне «Хвост трубой», забегаловке всего на несколько столов, излюбленном месте сборищ городских оборотней. Здесь ни за какие деньги нельзя было заказать прожаренный бифштекс – все подавалось с кровью. И оборотни тут собирались лишь те, что перекидывались в хищников. Впрочем, кроме косолапого добряка Урсуса и содержательницы веселого заведения леопардессы Жози, все остальные завсегда таи перекидывались исключительно в волков. Мартэн слышал, что где-то есть даже оборотни-обезьяны, но за всю свою жизнь ни разу никого подобного не видел.

На выставку, говорили, прибудет много народу со всего света. Видали, какой глобус здоровенный у реки отгрохали? Выдумают, надо же... Мир круглый! Да по мне хоть квадратный! Главное, Дозоры с ног сойдутся, а уследить за всем подряд не сумеют. А тут тебе и белые, и черные, и желтые, выбирай по вкусу. Один-два пропадут в толпе, и поминай как звали. Эх, братья, жизнь-то какая пошла чудесная!.. Жози, пышка, еще три кружечки, отметим это дело!

Самые резонные говорили, что не время облизываться. Небось и вурдалаки уже зубы точат, так ведь и Ночной все знает и тоже готовится. Слыхали, чего тут у моста Альма творилось, в этом старом Париже на набережной? Двоих Темных за ночь в одном месте порешили без суда и следствия. Вот оно как!

Жак, впрочем, рассказням не особо верил. Но и вожак их клана, старик Дюссолье, почему-то запретил показывать нос в город. Ему-то с семьей это было можно, устроились неплохо. Старик держал несколько мясных лавок, а кроме того, запустил лапы едва ли не во все парижские госпитали и даже, поговаривали, в Сорбонну. За хорошую мзду ему доставляли отрезанные конечности прямо с хирургического стола. Особенно мясник жировал с военных кампаний, когда рук и ног теряется много, а гангрена оборотням все равно не страшна. У людских недоброжелателей Дюссолье прослыл колдуном. Знали бы они всю правду!

Однако у старика Жак Мартэн мог сегодня рассчитывать лишь на какую-нибудь свиную требуху, но никак не на отсеченное хирургом. Лакомое мясник приберегал для себя и своих отпрысков, а если отдавал на сторону, то за очень хорошую цену. Мартэну платить было нечем.

А момент наступал. И ждать лучших времен Жак не собирался. Добыча нужна была сегодня.

Некоторые его сородичи пристрастились к морфию. Как ни странно, они пытались вышибать клин клином. То, что лекари, как слышал Жак, на своей ученой латыни называли абстиненцией, помогало притуплять мучившие оборотня время от времени позывы. Другие глушили это вином. Все же было у них преимущество перед вампирами.

Мартэн от лишней стопки не отказывался никогда, но и сдерживать так свои нужды полагал тщетным. Главное – кон-

цы в воду. Особенно в Булонском лесу.

Жак замер у дерева. Луна убывала. Но это все бабкины сказки, что поведение оборотня зависит от луны. Обратни же не умалишенные! Если бы так было, все кланы города перекидывались бы в одну ночь.

На дорожке послышались шаги женских ног. Жак коротко рыкнул. Он уже аккуратно снял одежду, туго свернул и спрятал в кустах. Было прохладно, а метаморфоза отчего-то все никак не наступала.

Мозг уже слегка затуманило, и лишь это объясняло, почему Жак не сразу во всем разобрался.

– Серый! Слышишь меня?

Мартэн замер.

– Можешь не выходить!

Разум мгновенно вернулся. В слабом лунном свете по очертаниям фигуры и одежде он сумел различить, что дама ничем не напоминает ночных обитательниц леса. Аура же выдала Темную.

Ведьма!

– Заработать хочешь, серый? Чую, что хочешь. Не деньги предлагаю, сам знаешь.

– Какого р-рожна? – прорычал Мартэн из-за дерева.

– Добычу.

– По спр-равке? – Жак вложил в слова все свое недоверие.

– Конечно, нет, серый. Лицензию у сантинель проси. Только что-то мне подсказывает, что не допросишься. Все

вожак себе заберет.

– Забер-рет, зар-раза! – глухо рявкнул Мартэн.

– О том и говорю, касатик. Но есть у меня один способ...

Так, чтобы и взятки гладки.

– Бр-решешь... – недоверчиво рыкнул Жак.

– Ну, как знаешь! Только осторожнее будь, патруль у бульвара Отей. – Ведьма двинулась дальше по дорожке в сторону озера.

– Стой! – Мартэн даже выскочил из-за дерева.

– А ты ничего, касатик. – Ведьма смерила его взглядом.

Вряд ли она видела что неприличное, небось только контуры мускулистого тела – Жак всегда был готов зашибить пару су на разгрузке в доках.

– Говор-ри, стар-рая!..

– Обижаешь, зубастый. Я помоложе тебя буду. Привык, если колдунья, то непременно карга, а молодится только с виду. Оревуар!

– Пр-рости, выр-рвалось... – пошел на попятную оборотень.

– Хорошо. Слушай. Дело есть. Верное. Подсобить одному, четвертый ранг у него. Ничего особенного, покараулить, пока он будет гоношить, а если санинел нагрянут – отвлечь и увести. Оборотень нужен, резвый и сметливый. Мокроты никакой. Справишься?

– А добыча?

– Я, дорогой, гадаю. Все законно, патент имею от Ночно-

го. А для себя и знакомых Иных можно и так, без патента. Просмотрю линии судьбы, кому умереть суждено не своей смертью. Кого апаши зарежут, кому в пьяной драке бутылкой голову разобьют или кто в канаве захлебнется. А может, попадется такой, кого медведь в лесу задерет или кто сам на себя руки вскорости наложит, с обрыва кинется. Вот на таких укажу и время, когда смерть придет, назову. Им все равно судьба, а тебе – пожива. Следов только не оставляй.

– Где р-работа?

– Пойдешь на Сюффрен. Там павильон есть, пока закрытый. Для экспозиции построили. «Двор чудес» называется. Влезешь туда, внутри будет ждать Темный. Скажешь, что Селин прислала. До полуночи чтобы на месте был, никуда по пути не заходи и никого не трогай. Все понял? Дуй живо!

Жак Мартэн считался грамотным. По крайней мере мог разобрать, о чем пишут в газете или на уличной афише. Но за свою жизнь оборотень не прочел ни одной книги. О писателе Гюго не слыхал, а Нотр-Дам де Пари для него был всего лишь собором в центре, но уж никак не романом.

Между тем оборотни старого Парижа нередко промышляли в окрестностях настоящего Двора чудес ровно по той же причине, по какой Жак скрывался за деревом в Булонском лесу. Правда, сам Двор был неприкосновенным. Ночью в нем собиралось все городское отребье, и Дозор Светлых был вынужден постоянно иметь там соглядатаев. Путеводитель по Всемирной выставке сообщал: Двором чудес это ме-

сто прозвали потому, что толпа увечных, днем просивших милостыню, ночью мгновенно исцелялась. Хромые и безногие вприпрыжку бежали в кабак, немые горланили песни, слепые прозревали, глухие начинали слышать.

Жак Мартэн, разумеется, не держал в руках ни одного путевода. Он не застал и времен расцвета подлинного Двора чудес. Проникнуть же сквозь запертые ворота в бутафорский павильон оборотню не составило труда.

Это был второй павильон старого Парижа, не такой большой, как у моста Альма. Впрочем, Жак не был и в первом. Кроме истории про задранных кем-то Темных, доходили до него и другие слухи. Пара оборотней-клошаров от моста перебрались было в этот «Старый Париж», пока тот пустовал, и не было там надлежащего догляда. А потом вдруг о них не стало ни слуху ни духу. Никто не хватился, гару были не из клана Дюссолье, все подумали, что убрались из города. Может, и Ночной прогнал подальше. Но в свете двойного убийства это могло бы навести на определенные мысли... Кого угодно, только не Мартэна.

Мысли не были его коньком. Особенно тогда, когда начал одолевать волчий голод.

За воротами, проделанными в высокой зубчатой стене, Мартэна поджидала небольшая открытая площадь. Кругом теснились старые покосившиеся дома и лавчонки, поддерживая друг друга, как пьяные. Кое-где по вывескам и в самом деле угадывались закрытые кабаки. Налево уходила уз-

кая кривая улочка, в глубине виднелась небольшая церковь с острым шпилем.

Кругом не было ни души.

Никто не подждал Мартэна, ни Темный наниматель, ни Светлый патруль. Жак погрузился в Сумрак. Здесь площадь была еще более ветхой. Мартэн подумал, что, наверное, явился на этот Двор первым. Он прошелся туда-обратно у ворот, затем сделал круг. Хмыкнув, не отказал себе в удовольствии справить малую нужду на углу запертого питейного заведения. Решил, что так пометил территорию.

Никто не приходил.

Жак начал звереть в самом прямом смысле. Может, ведьма намерилась его провести? Захотела всего лишь убрать подальше от того места, какое предназначила для своих целей в Булонском лесу?

Рука сама собой скрючилась, грязные ногти вытянулись и стали желтыми когтями. Негодование начало душить Мартэна, смешиваясь с позывами, что предшествовали метаморфозе.

Его последней человеческой мыслью была та, что наниматель все равно не оговорил, в каком облике нужно явиться, обычном или сумеречном.

По привычке оборотень успел наскоро снять с себя одежду и даже припрятать под бочонком около двери. Его умение мгновенно разоблачаться неизменно приводило в восторг работниц дешевых борделей, куда он захаживал после

каждой ночи в облике зверя.

На четырех лапах Мартэн потрусил по тесной улочке Filles-Dieu. Хотя название, прибитое к столбу, уже не мог разобрать.

До конца он не добежал.

Некто преградил дорогу. Жак редко в своей жизни видел других Иных помимо оборотней. Да и то, как ни странно, если и приходилось, то больше Светлых: патрули не упускали возможностей проверить невидимую людям печать на его груди. Из Темных же попадались либо ведьмы, либо совсем слабые, что только и могли промышлять шулерством по при-
тонам. Он лишь понаслышке знал, что есть весьма сильные и очень древние маги, которые в Сумраке выглядели совершенно не похожими на самих себя в обыкновенной жизни. Они могли быть как великаны-огры из сказаний или как адские демоны из проповедей кюре.

Тот, кто предстал перед волком сейчас, походил одновременно и на тех и на других. Он вдвое превосходил ростом высокого человека, был космат и обладал длинными когтями. Сохрани Жак в волчьем облике способность различать цвета, он заметил бы, что космы незнакомца отливают синим, как сумеречный мох. Сохрани оборотень способность размышлять, он, наверное, подумал бы, что таинственный наниматель все же явился.

Однако психика Мартэна уже крайне мало отличалась от звериной, в то время как все остальное не отличалось и во-

все.

Волк зарычал. Шерсть на загривке встала дыбом.

Тварь приблизилась странным прыжком. Она была лишена запаха, как, впрочем, и все в Сумраке. Но куда больше могло обеспокоить отсутствие другого... Обратни в Сумраке не различают оттенков, но прекрасно могут отделить Светлого от Темного, а Иного от простого человека. Если, конечно, не столкнутся с куда более сильным Иным, который захочет обмануть...

Это создание не было ни Темным, ни Светлым, ни человеком. У него не просвечивало никакой ауры. Если бы оно не двигалось, а космы не шевелились, его можно было бы принять за одну из вещей в павильоне, какое-нибудь чучело. Именно потому Жак и не заметил существо поначалу.

Волка можно напугать. Обратня сразу после превращения, да еще не прошедшего фазу, – намного, намного труднее. Давление крови слишком велико, это установили эскулапы из научного отдела Дневного Дозора. Они же предположили, что влияет на то вещество из надпочечниковой железы, недавно полученное человеческими медиками и названное «эпинефрин»⁸.

Мартэн всего этого не знал. Он все же испытал страх, какой переживает любой зверь, столкнувшись с непонятным. В том числе и волки, когда видят цепочку флажков в лесу.

⁸ В 1901 году гормон был назван «адреналин». В настоящее время эпинефрин – это искусственный адреналин.

Оборотень попятился, присел на задние лапы, слегка поджал хвост.

Чудовище протянуло к нему руку.

Что-то лопнуло внутри Мартэна, и тот прыгнул вперед. Страх не осталось ни в одной шерстинке, все заполнила чистейшая ярость.

Протянутая рука стала его мишенью. Она не выглядела столь уж мощной. Отхватить ее казалось проще простого.

Но другая рука встретила Мартэна на середине прыжка. Очень длинными когтями.

Волка отбросило в сторону, ударило о стену ближайшей лачуги. Бок словно расплосовали несколько сабель. Простой зверь с жалобным визгом убежал бы, припадая на переднюю, сильно подраненную лапу. Но только не гару!

Лучше и быстрее все заживает на оборотнях, перекидывающихся в больших кошек. Но и волкулакам грех жаловаться. Так что и жуткие раны не могли остановить Жака.

Его можно было бы принять за бешеного, но гару не страдают этой болезнью.

Никогда.

Мартэн ощерился, подобрался. Тварь приближалась. Оборотень прыгнул снова. Передние лапы целили в грудь человекоподобной фигуры, а зубы готовились сомкнуться на шее. Силы челюстей вполне хватило бы, чтобы отделить голову от тела.

Но руки твари оказались быстрее, встретив гару на поло-

вине пути. На этот раз когти, словно ланцеты, взрезали грудную клетку и достигли сердца.

Мартэн не ощутил боли. Но зато он почувствовал холод. Его сердце остановилось как будто вовсе не от того, что оказалось повреждено в трех местах.

Оно словно бы замерзло и перестало биться еще раньше.

Жизнь покинула Мартэна вместе с силой Иного и волчьим обликом. На мостовую Двора чудес в свете убывающей луны из ниоткуда вывалилось истерзанное человеческое тело. Кровь еще некоторое время текла по булыжникам.

Но Сумраку уже нечем было поживиться. Даже синий мох еще не успел завестись там, куда люди должны были хлынуть всего через несколько дней.

* * *

В купе Леонида ждал неприятный сюрприз.

Нет, в Париж его спроводили по высшему разряду. Купили билет в первый класс и даже привезли на авто, блестящем темными лакированными боками, как начищенный сапог, посадив на переднее сиденье рядом с шофером. Вел авто лично Семен. Сзади сидел Иван, его помощник, тоже боевой маг, придерживающий друзу, что покоилась в шляпной коробке для цилиндра, тщательно завернутая и снабженная немислимым количеством охранных чар.

До вокзала добрались без инцидентов, Семен и Иван по-

могли занести в купе вещи, коих было немного. В отдельном бауле содержались пленки Леонида с кадрами, заснятыми на первом слое, и две склянки с эмульсией, чтобы пленку обрабатывать.

Больше всего места, конечно, занимал старый аппарат «Патэ», который Леонид мечтал заменить новым.

Пассажир не вникал в манипуляции, что проводили, устанавливая защиту, Семен и его помощник. А потом Семен вдруг насторожился.

– Кто-то здесь...

Иван сверкнул заклинаниями на кончиках пальцев.

В дверь сдержанно постучали, а затем в купе зашли трое. Чувство тесноты еще больше сгустилось от того, что все зашедшие оказались Темными.

– Чем обязаны, господа? – осведомился Семен. – Место забронировано Ночным Дозором.

Явно самый главный из Темных, вошедший первым, натянуто сообщил:

– Дневной Дозор. У нас билет. А вас попрошу назваться и предъявить свой!

С ним были невысокий худой маг и кряжистый оборотень с пушистыми серыми бакенбардами, не иначе – бывший околоточный.

Леонид посмотрел на Семена с Иваном, затем извлек бумажный прямоугольник. Семен столь же придирчиво, словно обер-кондуктор, затребовал имена и билет противной

стороны. Дневные нехотя согласились.

После ряда препирательств, обмена деловыми бумагами, демонстрации печатей и репликами сквозь зубы, а также доли взаимных выпадов, не переходящих, однако, рамок служебного этикета, выяснились обстоятельства. Сотрудник Дневного Дозора тоже направлялся в Париж как чин своего департамента на торгово-промышленной выставке. Больше того, среди его документов вдруг обнаружилась бумага в запечатанном конверте с пометкой: вскрыть при недоразумениях с Ночным Дозором.

Поскольку недоразумения имели место, распоряжение выполнили.

Содержание удивило обе стороны, мягко говоря, преизрядно.

Документ предписывал при возникновении любых разногласий в пути оказывать всевозможную поддержку Ночному Дозору вплоть до защиты жизни и безопасности его работников, если это не вредило жизни работника Дневного. На время пути и до встречи с представительством Дозоров Парижа оба пассажира объявлялись членами единой российской экспедиции.

В самом низу был скромный параграф, гласивший: все указания в предъявленном письме теряют силу, если Ночным Дозором будет выказано противодействие или даже неуважение за время пути, начиная с момента прочтения.

Семен, дочитав до этого места, засопел, взглянул испод-

лобья на Темных и проглотил то, что хотел сказать. Но и работников Дневного, судя по всему, обескуражил их же собственный документ. Они убавили привычную спесь и даже немного растерялись.

– Защиту-то как будем ставить? – спросил наконец Семен. – На каждую половину свою или общую?

– Общую, – выдавил главный Темный, который наверняка не особенно часто произносил это слово.

Следующая четверть часа со стороны и вовсе напоминала какой-то невообразимый иллюзион. Дозорные, то ночные, то дневные, исчезали и появлялись, ненадолго уходя в Сумрак, делали пассы, перекидывали друг другу что-то невидимое. Зрителей в этом театре было двое – Леонид и его попутчик, которого звали Евгением. Тот поглядывал на действие со скукой, а потом отвернулся и уставился в окно.

Наконец провожающие вышли из вагона. В купе повисла неловкая тишина, словно еще одно заклятие. Леонид и Евгений глядели не друг на друга, а на толпу, рассыпавшуюся по перрону.

Напротив окна стояли Семен и его Темный оппонент. Паровоз издал гудок, и поезд медленно тронулся. Леониду, который путешествовал таким образом крайне редко, даже почудилось на миг, что вагон оторвался от рельсов и заскользил над землей.

Семен помахал ему картузом и скрылся из виду.

Александров ощущал всего больше неуютность, происхо-

дядю из соседства с этим Евгением. Поначалу, не в силах ничего с собою поделывать, он с подозрением и неприязнью косился на Темного. А ну как каверзу подстроит в дороге? А ну как на ценный груз рискнет покуситься? Да и на словесные унижения Темные, говорят, бывают неоправданно щедры. Леня – еще тот оратор и остроум! – вряд ли сможет что-то достойное противопоставить сопернику в разговорной дуэли с обоюдными шпильками. А уж про более серьезное противодействие и говорить нечего – куда ему тягаться со своим шестым рангом супротив бывалого дозорного?

Однако время шло, колеса постукивали, паровозная труба пыхала жирным черным дымом – а неприятностей не происходило. Немного успокоившись, Светлый припал лбом к холодному стеклу. Поезд только-только проскочил негустой ельничек, за которым, на взгорке, мелькнула неказистая деревенька. Теперь же, сколь хватало глаз, распростерлась за вагонным окном бескрайняя равнина, какие, говорят, только на русской земле и встретишь.

В столицах не по календарю распогодилось, с крыш от внезапных оттепелей свесились мокрые сосульки, уже и проталины кое-где явили взгляду отдохнувшую ноздреватую землю. Здесь же, стоило отъехать от Москвы всего лишь десятков-другой верст, зима по-прежнему крепко держала свои позиции.

Командирован дозорный Александров куда-либо бывал нечасто, да и расстояния в тех командировках были такие,

что вполне обходился извозчиком. Вот и выходило, что в последний раз он путешествовал поездом, возвращаясь пять лет назад от родителей, из летней вакации, после которой, собственно, и произошло его отчисление из медицинского. Так неожиданно-негаданно те каникулы стали для него последними.

Впрочем, нет, была еще одна поездка, аккурат полутора годами позднее! Это уж после инициации, после того, как ему преподали различие между обычными людьми и Иными. Лене тогда нестерпимо захотелось видеть отца и мать. Почему – он и не смог бы попервоначально объяснить и лишь спустя месяц-другой признался себе, что ездил проститься. Так оно, по сути, и вышло. Нет, оба были живы-здоровы, и письма он слал в отчий дом исправно, и даже позволял себе слегка поработать с писчей бумагой, чтобы матушка, в десятый раз проливая над одними и теми же сыновними строками слезу, плакала не от тоски и тревоги, а от радости и родительского умиления; чтобы отец, рассказывая о письме знакомым и коллегам по земскому учреждению, довольно побрякивал и с гордостью крутил желтыми от табака пальцами седой ус. Так что в переписке он все еще поддерживал отношения с домом. Но более повидаться не ездил.

Однако ту поездку Леонид всю почти проспал, тревожно, горячечно. По пути туда – от нервных переживаний. По пути оттуда – и в самом деле залихорадившись от студеных ветров родного края. Но теперь ему вспомнилось, что и тогда он

выглядывал в окно вагона. Солнце садилось, но еще не село, и оттого монотонный пейзаж искрился и переливался, слепя глаза и взбадривая дух. Сияющая равнина казалась сиюминутным воплощением того Света, к которому склонился Леонид в процессе инициации, а чистота и неиспорченность ее белоснежной гладкости была сравнима с чистотой нового бумажного листа, положенного перед собою на стол. Как поэт замирает перед листом, покусывая кончик пера и мечтая о прекрасных образах, так и Леня замер в трепетном ожидании своего чудесного будущего в новой ипостаси. Что-то он придумает? Что-то впишет в этот Свет своим существованием?

Леонид усмехнулся воспоминаниям (и сразу покосился на попутчика, не заметил ли тот усмешки, не отнес ли на свой счет?): вот они, четыре года, пролетели – не воротишь! Удалось ли за это время осуществить такие приятные для раздумий планы? Получилось ли внести свою скромную лепту в дело противостояния Света и Тьмы?

Вообще-то сам себе Александров представлялся ныне не активным членом кружка с революционными взглядами, с внутренней потребностью к борьбе и желанием непременно, одним махом изменить мир к лучшему. Сейчас он виделся себе в иной роли – в роли прилежного служащего, добросовестного естествоиспытателя, шаг за шагом движущегося по пути неспешного изменения мира, неразрывно связанного с познанием оного. Революция грядет – это ощутимо даже для

тех, кто еще вчера был слеп и глух. Но Леонид не возглавит ее и даже, вероятнее всего, не окажется в самой гуще событий. Зато тот кирпичик, что он вложит в общее дело, вполне возможно, станет фундаментальным, основополагающим. Ибо что есть революция без участия в ней интеллигенции и науки? Пшик есть такая революция.

Все чаще на улицах в эту пору ему попадались такие же, как и сам он в недавнем прошлом, разночинцы и «вечные студенты» – в ношенных пальто и затертых кителях, с осторожными взглядами исподлобья и нервическими движениями. «Потерпи, дружище! – телеграфировал в таких случаях Леня мысленно. – Уже скоро, совсем скоро! Ты только потерпи...»

От воспоминаний Леонид перешел к мыслям о том, почему же он оказался в соседстве с Темным. Наверное, у Пресветлого были какие-то основания договориться с извечным противником – и скорее всего заранее, еще до того, как самому Леониду раскрыли историю с изумрудной друзой Сен-Жермена. Но что за резон в этом был для Темных?

Очевидно, те же мысли посещали и спутника. Длительное молчание тот все же нарушил первым, и сделал это самым немудреным образом: извлек небольшую дорожную флягу и две крохотные стопки.

– За успех нашего предприятия, Светлый?

Леня еще с юности ни вина, ни водки обыкновенно не пил. Однако здесь момент был щекотливый, если помнить о пунк-

те про неуважение. Выход нашелся: он сделал неопределенное движение головой, могущее означать что угодно.

Темный Евгений истолковал жест как знак согласия.

– Начнем-ка загодя поражать француза. Это же «Наполеон»!

Он ухитрился ловко наполнить обе стопки размером немногим больше наперстка.

Леонид протянул руку за коньяком и вдруг почувствовал *внутренний холод*. Как будто где-то в глубине души приоткрылась форточка в морозный день. Тут же он ощутил, как ожила, толкнула Силой укрытая друза.

А потом... он провалился в Сумрак.

Вагонное купе стало похожим на кинематограф, только многократно замедленный. Даже обстановка изменилась, сделалась вроде театральных декораций. За окнами проплывали назад безжизненные предместья Москвы. Краем глаза Леонид заметил, что по углам купе угнездили синий мох – любопытно, какие страсти тут разыгрывались прежде?

Но невидимая холодная рука утаскивала Леонида глубже. Он знал, что попутчик не видит этого, даже сумеречным зрением. Для него сейчас Леонид покамест не закончил свое движение.

А еще глубже в Сумраке было холодно. И разумеется, здесь уже не было никакого поезда. Леонид ехал в закрытом экипаже, который двигался сам по себе. По крайней мере ни лошадей, ни иных каких сумеречных тварей здесь обитать

не могло.

Рядом на обитом кожей диване сидел Яков Вилимович Брюс собственной персоной. Он был холоден, как вековой лед Берингова моря, и столь же бледен. Только в мертвенной ладони слабо светился изумруд.

Леонид протянул руку и прикоснулся к камню.

В тот же миг Брюс пропал. Так же, впрочем, как и движущийся экипаж. Пассажир поезда очутился теперь в старинной химической лаборатории, уставленной тиглями, перегонными кубами и причудливыми инструментами. В этой лаборатории царил полумрак. Горел огонь в камине, однако совершенно не давал тепла. При всем том огонь не был обманом зрения, его токи вполне ощущались – но не температура. Точно так же вели себя свечи в канделябрах.

Александров знал, где находится эта лаборатория. В Сухарева башне. Хотя на самом деле никакой брюсовой лаборатории там давным-давно не было, даже в Сумраке. Все свои принадлежности Яков Вилимович перевез в имение, когда вышел в отставку. Оттуда он и отправился в Мир Теней.

Лаборатория в башне осталась только в сокровенных тайниках его сознания.

Гэссар как мог разъяснил несведущему Иному суть ритуала. Ученик может временно уступить свое тело учителю из Сумрака. Но сам притом в Сумрак не перемещается. Учитель занимает его брентную оболочку, а ученик квартирует в его сознании, оставаясь безучастным наблюдателем дей-

ствий наставника или предаваясь размышлениям и созерцанию внутреннего мира ушедшего. Это тоже своего рода обучение, ибо живой учитель допустить ученика в собственную душу не способен – нет такого ритуала, не придумал его никто из Великих. Хотя, наверное, пытался.

Леонид мог сейчас исследовать лабораторию, читать манускрипты с записями на полях, сделанными рукой Брюса, его книги и дневники. Не мог он только покинуть Сухареву башню. Если выглянуть в окно, то увидишь там вдалеке ту же сумеречную Москву, какой ее запомнил хозяин лаборатории.

Но читать жизнь Брюса по книгам и распознавать его секреты Леонид почему-то считал недостойным, хотя ему вроде бы и подарили это право. Вместо этого он подошел к большому круглому столу. Там располагалась копия изумрудной друзы, слепок, оставшийся в памяти Брюса, который и помогал тому подниматься из глубин серого мира. А рядом стояла большая пузатая запаянная колба. За выпуклым стеклом клубился белесый туман, чуть подсвеченный изумрудной соседкой. Но стоило Леониду сосредоточиться, как в этой колбе, словно в хрустальном магическом шаре, он видел все то же купе поезда и сидящего напротив Темного. Он видел глазами Брюса, правда, в фокусе, искаженном сосудом.

Как он слышал голоса, оставалось загадкой.

...Когда трансформация случилась первый раз в присутствии Гэссара и Пресветлого, Петр Афанасьевич попросил

вызванного из небытия посмотреть в зеркало, чтобы дать возможность и Леониду увидеть сумеречного наставника. Вопреки расхожим суевериям ушедший Брюс в зеркале отражался. Леонида крайне удивило, что изменению подверглось не только тело, о чем его предупредили, но и одежда. Каким-то непонятным образом пиджак кинематографиста превратился в камзол, сорочка сделалась кружевной, брюки преобразовались в кюлоты, а ботинки – в остроносые башмаки с пряжками. На голове словно вырос парик, а в руке неизвестно откуда появилась трость.

Сумрак не любил раскрывать секреты. Никто еще не сумел толком объяснить даже простейшей трансформации оборотня в волка, что же говорить о таких сложных вещах, как материализация или ревоплощение. Так что появление трости из ниоткуда – это мелочь.

В воображаемой Сухаревой башне Брюса не было собственных зеркал. Леонид поэтому увидел через колбу своего наставника, но не увидел себя. Теперь он подумал, что все же поразился не настолько, как его сосед по купе, когда прямо перед ним Светлый явно много ниже рангом вдруг превратился в старика екатерининских времен.

– Приветствую вас, милостивый государь Евгений Спиридонович, – услышал Леонид голос престарелого алхимика.

Судя по растерянному виду Темного, тот удивился еще пуще.

Леонид не уходил вместе с ним в Сумрак, поэтому до того

не лицезрел истинного облика своего попутчика. Тот в общем-то не слишком отличался от видимого простым глазом, разве что был более худым, черты лица острее, да кожа была с каким-то непонятным отливом, похожая на змеиную.

Да, и еще глаза не имели век. По крайней мере верхних – точно.

– Представиться позвольте – Яков Вилимович Брюс, Светлый маг вне всяких рангов, наставник Леонида Сергеевича...

Пауза нависла как грозовая туча. Ушедший Брюс, позабыв в небытии мелкие радости жизни, наслаждался эффектом, производимым на попутчика, да еще и адепта противоположной стороны.

– А ведь я и вашего наставника припоминаю, крупный был чин, Дневной Дозор в прежнее время возглавлял в Москве.

Это был тонкий сарказм, ибо штаб Дневного Дозора в брюсовы времена располагался в негостеприимном для Иных Петербурге.

Темный наконец что-то выдавил в ответ.

Изображение в колбе покачнулось – Брюс кивнул.

– Мой ученик любезно предоставил мне свое тело, чтобы мы могли побеседовать. Наши Темные соперники не стали бы засылать в Париж лицо случайное. Насколько мне известно, естествоиспытания – не ваш конек. Зато вы прекрасно разбираетесь в прикладной механике, коя значительно опе-

редила ныне осьмнадцатый век. Даже умеете управляться с безлошадной повозкой, как почти никто в империи...

Евгению это явно польстило.

А хитрый лис Брюс продолжал:

– Я многое хотел бы узнать, и, полагаю, вы не откажетесь меня просветить, раз уж мы на время пути составляем единую российскую делегацию...

Откуда он все это проведал, задал себе вопрос Леонид. Несмотря на то что он сам послужил мостом для Брюса в мир живых, младший сотрудник научного отдела не знал всего, о чем говорил наставник.

Впрочем, объяснение у Леонида имелось. До того как занять тело, Брюс через его... хм... эмоциональную сферу видел перед собой только сумеречный образ Темного. А ушедшим бывает открыто про обыкновенных Иных, погрузившихся в Сумрак, намного более, чем те могли бы сами раззнать друг о друге.

И в следующее мгновение Брюс подтвердил его догадку:

– Только как мне вас лучше величать, Евгений Спиридонович? По метрике али вашим сумеречным именем – Шагрон?..

Глава 3

Париж встретил их музыкой весенних запахов, где в паровозный дым, металл и прочие вокзальные ноты решительно вторглись ароматы улиц, выпечки, дамских духов, конской упряжи и много чего еще. А еще здесь было так тепло, что захотелось немедленно избавиться от пальто. Невероятно, но всего лишь сутки назад их поезд пересекал снежную целину, а в Париже в это же самое время всю готовились зацвести каштаны!

Но больше всего Леонида, замершего на ступеньках вагона, удивила аура, не похожая ни на один российский город, включая суматошную Москву и холодный величавый Петербург.

Несмотря на множество темных пятен своей истории, многие из которых представляли собою и вовсе пятна засохшей крови, Париж был и оставался городом Светлых.

Их встречали две делегации, почтительно стоящие не то чтобы рядом, но и не слишком далеко одна от другой. От каждого Дозора были присланы по трое, и кое в чем они походили на московских провожатых. Евгения-Шагрона принимали немолодой маг в цилиндре, явно призванном компенсировать его низкий рост, рыжий дородный оборотень, даже в человеческом облике похожий на большого откормленного кота, и еще один Иной в кожаной фуражке и очках.

Судя по всему тому, что узнал Леонид о соседе и его парижских знакомствах, то был коллега-автомобилист Себастьян.

Главным в трио Ночного Дозора явно был мужичок с роскошными бакенбардами, чем-то напоминающий Семена Павловича. Его сопровождали атлетически сложенный молодой человек в котелке и юная барышня в атласном платье, подчеркивающим тонкую осиную талию, в модной, слегка кокетливой шляпке с перьями.

Леонид невольно смутился. Любопытно, что бы на его месте почувствовал Брюс?

– Bonjour, monsieur Lumière! – приветствовали его.

Это смутило еще больше, как будто на вокзал прибыл сам изобретатель синематографического аппарата. Но потом Леонид вспомнил: его предупреждали, что так принято здороваться у французских ночных дозорных.

Иной помоложе, которого звали Жан, тут же подхватил увесистый аппарат.

Леонид неловко пожал протянутую руку девушки и с чувством – руку старшего. Хватка у того была сильнейшая, а размер ладони, ширина плеч и прижатые, сломанные уши выдавали бывшего борца. Имя у здоровяка оказалось Бернар, и почему-то Леонид вспомнил, глядя на него, породу очень больших собак, разводимую в Альпах. Он действительно оказался самым старшим и опытным – Иной третьего ранга. Жан обладал пятым, а у девушки по имени Мари был всего лишь седьмой.

Леониду опять стало неловко – в Дозоре он редко встречал Иных слабее себя, в Петербурге это были всего только лаборант научного отдела да истопник.

– Я назначена личным секретарем месье Брюса, – сказала девушка с изрядной толикой беспокойства. – Он не приехал?

Леонид не имел инструкций, что говорить в таком случае. Хотя перед Шагрном Яков Вилимович раскрылся легко.

Но все же гость нашелся:

– Позже вы его увидите. Я сам – ассистент месье Брюса.

– О, мы коллеги! – Леонида удостоили весенней парижской улыбки.

Ему захотелось немедленно запечатлеть эту улыбку на «Патэ». Или сделать фотографический снимок. Не имея большого опыта в общении с дамами, а тем паче с иностранками, он ни за что не признался бы мадемуазель в своем внезапном желании сделать ее героиней, возможно, целой серии портретов. Интуитивно догадываясь, что барышням должно быть приятно внимание человека, вооруженного камерой, от одной только мысли о подобном предложении Леонид тушевался. Хотя француженка приглядывалась к русскому гостю вполне благожелательно.

Для Шагрона был подан рычащий мотором «Панар Левасор», за руль уселся, блестя очками, Себастьян. Ночные сантинель вместе с российским коллегой сели в конный экипаж.

Из открытого ландо ассистент старого алхимика мог любоваться городом, о котором столько читал и слышал. Боль-

ше всего ему хотелось увидеть даже не выставку, а новое техническое чудо – башню Эйфеля. Говорили, ее теперь видно едва ли не отовсюду, однако на глаза этот триумф инженерии попадаться не спешил. Леонид уже готов был попросить проехать как-нибудь вблизи стальной этажерки (так он подумал, впервые увидев изображение в газете), как вдруг Бернар повернулся к кучеру и что-то быстро сказал. Кучер, разумеется, тоже Иной, подхлестнул, и экипаж прибавил ходу... так, будто участвовал в скачках и теперь резко набирал утраченное преимущество. Леонид вцепился в коробку с друзой и боязливо оглянулся на багаж, туда, где был закреплен аппарат.

Ландо, все набирая и набирая скорость, мчалось по оживленной улице.

– Зов Градлона, – пояснил Бернар, придерживая шляпу.

Ассистента Брюса известили в Москве, что Градлон – сумеречное имя французского Пресветлого коннетабля, главы Ночного Дозора Парижа.

Внезапно перед экипажем словно из ниоткуда выросла повозка, груженная каким-то скарбом, со множеством коробок и ящиков. Леонид рефлекторно дернулся к сидевшей рядом Мари: закрыть собой, удержать – все что угодно, ведь столкновение было неизбежным!

Девушка посмотрела на него недовольно, а сама даже не шевельнулась.

Мир вокруг стал похож на кинематографическую пленку,

только двигалось все на ней отнюдь не так поспешно, как бывает на полотнище экрана, а, напротив, слишком медленно.

Ударил холод Сумрака.

Экипаж насквозь прошел размытую повозку, не сбавляя хода. Леонид увидел кругом город, какой никогда не смогут перенести на экран братья Люмьер. Этот Париж ничем не отличался от самого себя в привычном человеческом мире, кроме, пожалуй, одного, и дело было не только в отсутствии цвета.

Исчезла вся парижская суматоха, мельтешение людей, патрульные на велосипедах, омнибусы и мальчишки с газетами. Все это превратилось в расфокусированные пятна разных тонов черного, серого и белесого. Город предстал в таком виде, какого никогда не должно было случиться в реальности: голым, безлюдным архитектурным ансамблем, который не осветят лучи весеннего солнца.

Единственным цветным пятном тут, кроме экипажа и его пассажиров, были целые клумбы, газоны и живые изгороди синего мха.

Город жил эмоциями, наверное, как ни один другой на свете.

Однако не меньшее изумление у Леонида вызвал сам экипаж. Тот неуловимо преобразился, сиденья сделались куда менее удобными, зато скорости ощутимо прибавилось. А самое главное – конная пара. Чтобы пройти через Сумрак вместе с конем, всаднику требовалось немалое искусство. Чтобы

въехать туда на повозке, требовалось искусство вдвое большее. Лошадей, как правило, приходилось зачаровывать, потому что выдержать шок перехода из реальности в реальность без вреда для психики из всех земных существ могут только люди и кошки.

С этими лошадьми сделали что-то еще. Их словно окутало мерцающее свечение, а над спинами выросли полупрозрачные крылья. Казалось, в их трепетании и заключен секрет быстрого перемещения экипажа. Вместе с тем Леонид видел чрезвычайно ясно, что это все же обыкновенные кони, а не какие-то сумеречные твари. Существование которых, кстати, не было доказано наукой Иных, как не доказано человеческой наукой существование какого-нибудь морского змея.

Вожжи в руках кучера тоже изменились: как будто их соткали из гибкого холодного света.

Экипаж пронесся через несколько улиц, насквозь пронизывая размытые группы людей, повозки и даже омнибусы. Леониду почудилось, что на одном из поворотов он увидел в сероватой вечноосенней мгле первого слоя остроконечное решетчатое сооружение – башню Эйфеля. Но лошади несли все дальше и дальше... пока внезапно не вырвались в человеческий мир, остановившись у элегантного особняка.

Насладиться изяществом архитектуры, впрочем, не было времени.

Бернар взвалил на плечо громоздкий кинематографический аппарат, Жан ловко предложил Мари руку, помогая

выйти из экипажа, затем подхватил саквояжи. Леониду ничего не оставалось, как отправиться следом через ворота к особняку, бережно неся коробку с друзой. Резиденцию Светлых окружал сад. Леонид все же посмотрел через тень от ресниц – на весенних деревьях, уже тронутых первой листвой, гроздьями были развешаны охранные чары. Словно их выращивали там вместо плодов. А некоторые хитрые заклинания сумрачными тенями перелетали от дерева к дереву и даже сбивались в стаи. Причем то была лишь малая толика, доступная восприятию волшебника весьма невысокого ранга. Контора охранялась так, как не снилось и Бастилии.

В стороне виднелась площадка для гимнастических упражнений, которую нельзя было увидеть с улицы из-за высокой стены. Леонид мельком разглядел, как несколько мужчин занимаются фехтованием – только вместо шпаг или сабель они использовали трости.

Внутри все было подчеркнуто классическим и в то же время модерновым. Ковры и живописные полотна в холле соседствовали с новинкой – телефонным аппаратом. В остальном контора напоминала солидный банк, разве что спешки тут было поболее.

– Monsieur Alexanroff? – к ним порывисто подошел Иной неопределенного ранга. – Фюмэ, заместитель Градлона по вопросам тайного сыска. – Он поклонился – и за этим жестом явно стояло не одно столетие практики. – Коннетабль ждет вас. За багаж не беспокойтесь, оставьте его здесь. Я уже

распорядился – сейчас за ним придут. – Светлый повернулся к Бернару и Жану. – Следуйте за нами, господа.

...Кабинет Пресветлого коннетабля Парижа был не менее диковинным, чем у московского. Разве что, пожалуй, более упорядоченным, спланированным. Эта комната сама походила на маленькую выставку, разбитую на отдельные секции: древние магические верования, современные технические средства, колониальная магия.

– Как добрались, monsieur Alexanroff? Как чувствует себя месье Брюс? – сразу деловитым тоном заговорил Пресветлый после обязательных слов вежливости.

– Весьма сносно для Иного, не имеющего тела, – ответил Леонид.

Краем глаза он заметил удивление на лицах всех остальных: от Мари до невозмутимого Бернара. А вот Градлон был явно хорошо осведомлен, каким образом Яков Вилимович должен к нему прибыть.

– Опыт месье Брюса нам совершенно необходим. Он сейчас слышит нас?

– Месье Брюс слышит все, что слышит его ассистент, – ответил Леонид, а сам мысленно произнес через Сумрак: «Взываю!»

Что-то шевельнулось в невидимой серости – только для него одного. Словно некий человек, пребывавший в глубокой задумчивости, повернул голову на звук, еще не вполне оторвавшись от собственных размышлений.

– Я прошу месье Брюса сопровождать меня на заседание особой коллегии Инквизиции. Там будут и Темные. Возможно ли для месье проявить себя на физическом уровне?

– Возможно, – сказал Леонид.

– Тогда я прошу прибыть со мной на встречу в телесном облике. Инквизиция будет поставлена в известность по телефону. – Пресветлый указал на прибор, торчащий из бумаг на его столе, будто корабль среди полярных льдов. – Мадемуазель Турнье едет с нами. А вы, господа, – обратился он к двум мужчинам-сантинель, – отправляетесь к экспозиции Двора чудес на Сюффрен. Там еще один труп. Из-за него и собирается коллегия.

– Быть не может, – сказал Жан. – Темный?

– Клошар-гару. Там уже, с нашей стороны, присутствуют Жюль и Анри. Но вы нашли первые тела. Ступайте!

Сантинель удалились.

– Мы воспользуемся моим личным экипажем. – Градлон обернулся к Леониду. – Если месье Брюс желает воплотиться без свидетелей, готов предоставить для этого свой кабинет.

– Благодарю, месье, этого не требуется. Разрешите... – Леонид поставил на стол шляпную коробку, с которой наотрез отказался расстаться внизу, где оставил личные вещи. – Если мадемуазель Турнье – секретарь моего наставника, она должна это видеть.

Он аккуратно извлек друзу.

– До нашего возвращения лучше оставить это в вашем

личном сейфе.

Леонид аккуратно протер изумруды чистым платком, который хранился в специальном футляре. Точно так же он протирал объектив сначала фотографического, а потом и кинематографического аппарата.

– Это самое надежное место в Париже, – уверил Пресветлый. – Но потом мы будем вынуждены показать это всем Иным, которые придут на выставку. Впрочем, меры безопасности и там будут предприняты небывалые.

Леонид закрыл коробку и опустил под стол.

– Мадемуазель! Месье! Разрешите представить вам моего наставника Джемса Даниэля Брюса. – Он задержал дыхание, прислушиваясь к себе и к Сумраку, а потом коснулся самого длинного изумруда, что возвышался над всеми, как башня Эйфеля над новым Парижем.

...Последующее ученик мог увидеть только в пузатой колбе брюсовой лаборатории.

На лице французского Великого мага после перевоплощения гостя не дрогнул ни один мускул. А вот Мари была явно поражена, когда вместо молодого человека, одетого по последней европейской моде (московский Дозор не поскупился на лучшего портного), перед ней явился старик в накрахмаленном парике и платье времен Людовика Пятнадцатого.

Объемная картина уплыла вниз, потом вернулась на место – Брюс поклонился.

По-французски он изъяснялся куда лучше своего учени-

ка, хотя его язык для Градлона и Мари был настолько же старомоден, насколько брюсов великорусский – для Леонида. Иные, которые живут столетиями рядом с людьми, меняют свой лексикон исподволь, вместе с обществом. Намного тяжелее приходится тому, кто выпал из естественного хода времени.

После обмена любезными фразами Пресветлый осведомился, не желает ли гость сменить костюм на современный, и предложил для этого собственный гардероб вкупе с магическим искусством. Брюс отказался и изъявил пожелание безотлагательно ехать. Градлон пригласил гостя занять место в экипаже и велел Мари проводить, сославшись на необходимость телефонного звонка в Инквизицию. Леонид отметил, что наставник не отказал себе в удовольствии опереться на руку девушки, хотя, как он имел возможность убедиться ранее, старый маг довольно бодро передвигался с помощью своей трости.

Ученик не мог ощутить руку девушки, понимая, что в известном смысле держит ее сам. Чувства потому он переживал двойственные. А Брюс тем временем расспрашивал Мари, как же она попала на такую службу. Задорная фраза: «Ах, месье, моя история проста, как у любой другой глупышки-эмансипэ!» настолько сконфузила пожилого мага, что он не решился уточнить значение новомодного термина.

У входа их ждала все та же «пролетка с Пегасами», как назвал про себя Леонид дозорное ландо. Только крыша сейчас была поднята – очевидно, для вящей конфиденциальности и дабы не смущать прохожих обликом Брюса.

Пара деловитых служащих Дозора, попавшихся на встречу, с удивлением поглядели на необычайного старика, прибытия которого никто не заметил.

Грандмастер, уже в цилиндре и при трости, догнал Якова Вилимовича и Мари на крыльце.

– Изложите дело, ваша Пресветлость, – попросил Брюс, когда ландо тронулось.

– Для начала извольте рассмотреть несколько образов. Кое-какие я снимал лично...

Мысленные картины отразились совсем не в той колбе, через какую Леонид все видел глазами Брюса. Они закружились в пузатом тигле над холодной бездействующей жаровней. Образы эти были весьма нечеткими, переходили один в другой, путались. Хотя те, кто их делал, наверняка считались опытными волшебниками. Наиболее сносные картины, видимо, принадлежали взгляду Пресветлого. Но и они не шли ни в какое сравнение с образами на пленке Александрова.

Нет, все же российским Иным было что показать и в Париже!

В тигле последовательно возникли картины средневекового города. По крайней мере он выглядел средневековым, пока на улице не появились мужчины в современных костюмах и котелках. Леонид их узнал – новые знакомые, Бернар и Жан.

...Горстка праха на мостовой. То, что остается от вампира. Помнится, в петербургской лаборатории имелись образцы, Леонид даже изучал их под микроскопом.

...Девушка. Молодая, не старше Мари, только с более светлыми волосами. Падает без чувств, в руке бумага с сумеречной печатью.

...Тело Иного на земле. Ауры нет, но почему-то кажется, что это Темный. Очертания тела изломаны – неужели была магическая дуэль?

...Еще одно тело, распростертое на брусчатке средневековой площади. Скорее всего найдено в том же квартале. А вот оно же, обнаженное, на столе прозектора, часть прикрыта тканью, но и оставшегося вполне хватает, чтобы оценить жутковатые повреждения.

Леонид снова перешел к знакомой колбе. Он услышал голоса, которые пропали, когда ассистент Брюса рассматривал мысленные картины.

Говорил Пресветлый:

– ...тела с первого слоя. Одно найдено на втором. Потому так плохо сохранились, хотя с мгновения смерти миновало не так уж и много. А самое главное – все они Темные. Мы

расцениваем это как прямую акцию против Ночного Дозора. И момент выбран не случайно.

– Способ, каковым лишали жизни... или прерывали посмертие у вурдалака... Его вы знаете?

– Увы, пока нет. Единственное – тела начисто лишены Силы. Я говорю сейчас о магах. Было ли это причиной смерти, или нет – тоже не знаем.

– А какова история места, милостивый государь? Нет ли там проклятий, не протекает ли Сила как-нибудь иначе?

Градлон покачал головой.

– Каких-либо аномалий там нет. Однако, видите ли, ме-сье Робида воссоздал там средневековый город и как будто переселил туда его дух. Горожане давно знали об этом предприятии, разумеется, грезили наяву, и старый Париж впитал эти грезы. Вся выставка – одна большая линза, которая собирает людские чувства, как лучи солнца. Какие формы может принять собранная Сила, мы не знаем. Никто еще не предпринимал мер такого масштаба. А еще... Не так далеко проходят катакомбы.

– Катакомбы? Слышал о них, но и только.

– Каменоломням много веков. За все время они сильно разрослись под городом. И кто там только не скрывался! Что люди, что Иные. Дозоры патрулируют некоторые тоннели, но работников для этого не хватает. Дел достаточно и на поверхности. Кроме того, в Сумраке много ходов, не доступных простым смертным. Кто и когда их устроил – загадка

даже для нас. О катакомбах ходит множество легенд и слухов. Отделить правду от неправды не смогли пока и наши старейшие архивариусы. А сто лет назад легенды получили дополнительную пищу. Дело в том, что парижские кладбища были переполнены. Воды размывали землю и выбрасывали смердящие трупы прямо на улицы. Было решено все старые захоронения перенести в катакомбы. Миллионы останков, месье Брюс. Под живым городом разместилось несколько мертвых... Остаточные выбросы Силы, эмоции родных, ужас и мрачные раздумья посетителей – все это смешивалось и направлялось ходами катакомб. Они превратились в каналы смертных веяний. Что происходит в Сумраке под городом, вам никто не ответит. Этого не знают ни Темные, ни Светлые.

– Вы полагаете, нечто могло восстать из подземелий?

– Мы полагаем, Темные решили воспользоваться случаем и ослабить наши позиции. А место выбрали так, чтобы возложить вину на Светлых... или на таинственное нечто, если дело не выгорит. С утра они прислали очередную ноту в Дозор, и можно не ходить к оракулу – их официальная жалоба уже в Инквизиции.

– Что же, вознамеримся и мы наших супротивников посрамить... Однако же видится мне некоторый конфуз в ваших измышлениях, милейший. Мне доводилось изучать плутни Темных. Судя по тому, что успел я выведать по дороге к вам, плутни эти за минувший век никак не переменя-

лись.

– И что, осмелюсь спросить, вас смущает?

– Изводить без счета своих же мелких людишек вполне в обычае супостатов. Однако же один из теперешних убитых был весьма изрядного ранга. Да и вурдалак не из последних. А сильных Темных в Париже, как и везде, менее, чем могучих Светлых. Не чрезмерна ли расточительность?

– Так ведь и ставки высоки, месье Брюс! Разрушить репутацию образцового Дозора Европы. Именно тогда, когда творится история! Нарушить баланс Света и Тьмы. Здесь можно пожертвовать не то что пешкой – ферзем.

– Прямой выгоды я тем не менее узреть никак не могу...

В колбе показался кусочек пробегающей мимо парижской улицы – Брюс на мгновение отвернулся от собеседника, чтобы взглянуть на город. А потом картинка замерла – экипаж прибыл по адресу.

Леонид думал, что резиденция Инквизиторов должна быть мрачным замком или старинным заброшенным собором с потемневшими от сырости стенами и узкими витражными окнами. Но это был еще один особняк, куда более сановитый, чем у Ночного Дозора.

В воротах их встретили двое, оба атлетического сложения, в длинных серых балахонах с надвинутыми на лица капюшонами. Леонид даже подивился, как такие субъекты могут разгуливать среди бела дня, но не почувствовал и нотки изумления своего наставника. А затем вспомнил про раз-

личные заклęcia отвода глаз. Брюс даже не посчитал нужным рассмотреть эти чары, каковые для него были столь же естественны, сколь начищенные пряжки на ботфортах.

Серые фигуры молчаливо поклонились, подали руки вылезавшему из ландо старому Иному и Мари. Пресветлый бодро вышел сам, дал знак кучеру, и «пролетка» немедленно куда-то укатила. Леониду даже показалось, что она растворилась в воздухе, уйдя в Сумрак раньше, чем скрылась за углом.

Их проводили во внутренние покои особняка. Серый служащий принял цилиндр и трость Градлона, и прибывших завели в торжественно убранную залу. Несмотря на ясный день, шторы оказались задвинуты, в канделябрах горели свечи. Длинные столы, расставленные по окружности, задрапированы красной тканью. Почему-то это придавало налет средневекового инквизиторского судилища – тем более что в зале горел и камин. Казалось, в жарком пламени должны разогреваться щипцы для допросов, но обочь находились только ажурная кочерга и совок для золы.

Публики в зале собралось немного. Поэтому главных было видно сразу – трое в серых балахонах восседали по центру в резных деревянных креслах с очень высокими спинками. Впрочем, в зале имелись и еще несколько Иных в подобных одеяниях, в том числе и силачи, что провожали гостей на заседание.

Леонид никогда прежде не видывал настоящих Инквизи-

торов. Отчего-то он немедленно поделил Серых, как некое вещество, на две фракции: широкоплечие – явно стражники или кто-то вроде простых городских, и худые, невысокие или старые – чины покрупнее.

Однако тут же поблескивали пенсне и моноклями несколько мужчин, одетых по современной парижской моде. Присутствовали также Иные других держав, их можно было распознать по нарядам. Леонид заметил даже одного чернокожего. Попытался взглянуть на ауру – и не смог. Наверняка высокоранговый колдун откуда-то из Сенегала или с Берега Слоновой Кости.

В углу стола примостился секретарь с пишущей машинкой, а ровно напротив него располагалась большая раскрытая книга, над которой замерло гусиное перо. Никакой чернильницы рядом с пером не наблюдалось.

Когда трое Светлых вошли в зал, все повернулись к ним. Больше всего внимания, разумеется, привлек к себе Яков Вилимович, который не преминул церемонно раскланяться. Хотя Мари оказалась единственной дамой в зале, и весьма прелестной, взглядов на ней никто не задержал.

Средний из троицы главных Инквизиторов коротко, деловито приветствовал новоприбывших и даже не поднялся навстречу. Перед ним на столе располагались телефонный аппарат и хрустальный магический шар на серебряной подставке со множеством выгравированных символов.

– Прошу садиться, Светлые. – Инквизитор указал на сво-

бодные места по левую руку, явно почетные.

– Соблаговолите представить вашего гостя, – с противоположной стороны от Инквизиторов поднялся Темный.

Брюсу хватило мимолетного взгляда через Сумрак, чтобы понять самому и дать понять Леониду, – чрезвычайно сильный маг.

– Имею честь рекомендовать посланника Ночного Дозора Российской империи, генерал-аншефа и нашего особого советника на время торгово-промышленной выставки, Светлого вне всяческих рангов, графа Джемса Даниэля Брюса!

Среди заседающих прошел шепоток.

Инквизитор чуть склонил голову – движение было почти неуловимо.

– Граф, в свою очередь имею честь представить вам месье Мориса де Робино, верховного Инквизитора Парижа и Великого Инквизитора Франции, – повернулся к Брюсу Пресветлый.

Картинка в колбе снова качнулась в такт поклону Брюса.

– Также имею честь представить главу Дневного Дозора Парижа месье Вуивра. – Градлон кивнул в сторону Темного.

– Насколько мне известно, – вдруг сказал другой Инквизитор, сидевший рядом с председателем коллегии, обладатель кустистых бровей и немигающего взгляда, делавших его похожим на филина. – Великий маг Брюс добровольно ушел в Сумрак более ста лет назад.

– Совершенно верно, – холодно ответил Градлон. – Хотя

не совсем добровольно. Он пожертвовал земным существованием, дабы отвести беду от всех живущих.

– Полагаю, будет уместным просить разъяснений, – весомо произнес Морис.

– Извольте, – ответил Брюс. – Вычисления над астрономическими светилами и оракул совокупно предсказали мне падение небесного тела величиной с гору. От сотрясения, громадных волн и вулканических извержений могло погибнуть все живое. По меньшей мере на том материке, на каком мы сейчас с вами стоим. Управляться с небесными телами не способны ни мы, ни Сумрак. Но зато судьбы земные подвластны влиянию Сумрака вполне. Только чтобы поменять судьбу материка, нужно много большее, чем у меня имелось. Я нарушил то, что не должен был нарушать, и Сумрак принял это вместе с моей сущностью. Механику я могу раскрыть Инквизиции при беседе с глазу на глаз.

– Мы с превеликим вниманием это выслушаем, – сказал Инквизитор с неподвижным взглядом.

– Не имею чести вас знать, почтенный?.. – обронил Брюс. Иной в сером балахоне явно отвык представляться самостоятельно.

– Клаус Иероним Мария Кюхбауэр.

– Не тот ли, о ком мне доводилось слышать в Европе под именем Дункеля?

– Он самый. Как вам удалось воплотиться заново? Разрешать такое волен один Трибунал.

– Если Ночному Дозору было дано подобное право, мы потребуем компенсации! В размере не меньшем, чем вызов уважаемого графа из Сумрака! – вмешался Вуивр.

Его сумеречное имя показалось Леониду знакомым. Но он сейчас был в сознании Брюса и вряд ли сумел бы найти что-то в манускриптах, разбросанных по лаборатории.

– Осмелюсь спросить, досточтимый Дункель, вы сомневаетесь в честности ритуалов, применяемых стороной Света? – со значением осведомился глава Ночного Дозора.

– Пока я лишь спрашиваю, как такое возможно, – перевел на него Инквизитор совиный взгляд.

– Я не воплотился заново, почтенный Дункель, – сказал Брюс. – То, что вы видите перед собой, – тело моего ученика и ассистента, данное мне на время. Таковая метода известна магам Востока. Мне же ее помог осуществить почтенный Гэссар.

При упоминании имени Великого с Востока Инквизиторы переглянулись.

– Полагаю, уважаемый месье Брюс и здесь не откажется посвятить нас в тонкости ритуала, – высказался Морис де Робино.

– Я могу проделать это все на ваших глазах прямо на выставке, милостивые государи! Вестимо, в павильоне Иных.

– Боюсь, как бы не пришлось оттянуть этот момент, – произнес Морис. – Старшие, – он взглянул на Дункеля и третьего Инквизитора, сидевшего рядом, – вопрос с мнимым рево-

площением месье Брюса объявляю временно решенным. А вас, уважаемые, все же прошу садиться!

Он широким, отточенным жестом вежливости указал на места слева от тройки Инквизиторов.

Леонид, наблюдая за этим из башни, подумал о несправедливости. Получается, как будто Темные есть правая рука Инквизиции. Потом вспомнил: о чем-то таком его предупредили еще до выезда из Петербурга. Или не его, а Якова Вилимовича, а школяр Ленька подслушивал, сидя в этой же самой лаборатории. Французские Светлые любили символику. Инквизиция воплощала разумное равновесие. Свет же для них располагался на стороне сердца, кое у большинства людей находится с левой стороны.

Ближе всего к Инквизиторам сел Градлон, рядом занял изящный резной стул Брюс, прислонив к подлокотнику свою трость. Леонид не мог видеть, где Мари, пока наставник не повернул головы в ее сторону. Девушка пристроилась у самого края стола с блокнотом в кожаном переплете. Только вместо карандаша в ее руке оказалась тонкая острая палочка, и Брюс, а вместе с ним и ученик, с мимолетного взгляда через Сумрак уловил, что этот незатейливый прибор – заряженный силой артефакт. Но Яков Вилимович отвернулся, и предназначение палочки осталось для запертого в Сухаревой башне загадкой.

Широкоплечая фигура в сером балахоне притворила дверь в залу.

– Доложите, что известно, – обратился Морис к Темным.

Поднялся щегольски одетый Иной с тонкими усиками, подкрученными кверху.

– К этому часу найдено трое убитых, – начал он. – Первым обнаружен прах вампира Армана Лануа. Второй убитый – Темный четвертого ранга Марсель Каро. Третий, найденный сегодня, опознан как Жак Мартэн. Весьма законопослушный оборотень, как и другие уважаемые Иные, жертвы ужасного злодеяния...

– Прошу прощения, – высказался Градлон. – Позвольте, любезный! Мне успели передать кое-какие сведения на этого Мартэна. Жил он на улице, чтобы быть поближе к другим клошарам, коими временами и закусывал. За клошарами ведь мало следят, одним больше, одним меньше – полиции не слишком интересно.

– Почему вы не заявляли жалобы, месье? – предупредительно наклонил голову щеголь.

– Покойный был хитер, на него собиралось досье, и мы должны были в скором времени предъявить все доказательства его вины. Вам отлично известна манера работы парижского Ночного Дозора, месье Обри. Мы выдвигаем только по-настоящему веские обвинения. Но мы готовы предоставить все, что у нас имеется и на Мартэна, и на двух других.

– Не понимаю, какое это имеет отношение...

– Самое прямое, месье Обри, – спокойно заявил Градлон; лишь нервически пульсирующая жилка на левом виске поз-

воляла предположить, что глава Светлых сдерживает свои настоящие эмоции. – Имя Лануа неоднократно фигурировало в делах о нелегальном вампиризме. Только за последние три года он дважды был остановлен патрулем неподалеку от места, где обнаружено тело жертвы укуса без лицензии. Буквально на соседней улице. Да, не на месте преступления, и прямые улики отсутствовали. Но, замечу, других вампиров поблизости, как правило, не было совсем. Кроме того, он с выгодой перепродавал свои лицензии, в то время как сам кормился незаконно.

– Протестую! – попытался было возразить Обри.

– Я не закончил, – сухо продолжил Градлон. – Предпринята попытка обвинить Ночной Дозор Парижа.

– Говорите, – позволил Морис.

– Что касается Каро, то он был замешан в незаконном создании артефактов. Нами допрошена мадемуазель Элиза Дюпон. На ее имя в процессе вампирской лотереи была выписана лицензия. Под воздействием дозволенных заклинаний она вспомнила, что Каро раскрыл ей существование вампиров и гару, а потом предлагал участие в некоем ритуале. В обмен на бумагу и избавление от лотереи. Ясно, что Лануа уступил ему свою лицензию. Что было предметом их торга – неизвестно. Однако, если бы не обстоятельства, девушка была бы мертва не во имя Договора, а ради какой-то махинации.

– Это ваши домыслы, – вставил Обри.

– Воспоминания мадемуазель Дюпон записаны здесь. – Градлон показал перстень с большим синим камнем. – Мы не знаем, кто или что убило Темных. Но к смерти их привели свои же собственные проступки. Если говорить прямо – действия против Договора. Потому мы считаем все обвинения в адрес Ночного Дозора Парижа беспочвенной провокацией.

– Ваши слова столь же беспочвенны и столь же провокационны, – заявил, не вставая, Вуивр.

– Месье, довольно взаимных обвинений, – поднял руку Морис. – Инквизиция полагает, что пока нет достаточных оснований считать Ночной Дозор причастным к этим убийствам.

– Покоряюсь Инквизиции. – Вуивр на этот раз поднялся и церемонно склонил голову.

– Обри, доложите, что нашли прозекторы, – велел Морис.

– Прошу разнести фотографические карточки, – сказал Обри.

С самого края поднялся неприметный Темный служащий. Из его портфеля появилась кипа снимков, и служащий пронес их вдоль стола, раскладывая перед каждым значимым членом коллегии. Наблюдая за этим глазами Брюса, Леонид мельком увидел и Мари. Девушка положила перед собой блокнот и быстро прикоснулась к желтоватым страницам короткой заостренной палочкой, словно посылала сообщение по телеграфу. С каждым прикосновением на странице проявлялось выведенное изящным почерком слово или це-

лая фраза. Леонид впервые имел возможность посмотреть на магическую стенографию. Российские Иные, во всяком случае, ничем похожим не владели.

Брюса, очевидно, также заинтересовало это искусство, но тут перед ним лег веер снимков. Ушедший маг прежде никогда фотографических картин не видывал. Хотя ничего эстетического снимки не являли: обнаженные, частично накрытые простынями тела на столах в морге.

Яков Вилимович так заинтересовался рассматриванием черно-белой диковины, что Леонид поневоле тоже увлекся и даже не расслышал новых слов доклада.

Обри между тем сухо перечислял, читая по бумажке:

– ...Многочисленные переломы костей... Глубокие раны, несовместимые с жизнью... Похожи на ранения, причиняемые когтями хищного животного...

– Достаточно, – остановил Морис. – Господа собравшиеся желают что-либо сказать?

– Лапа этой бестии должна быть очень крупной, – проговорил Градлон. – Я не встречал ни оборотней, ни магов-перевертышей, которые способны превращаться в животных такого размера.

– У Дневного Дозора есть что добавить? – осведомился Морис.

– Ничего, – сказал Обри.

– Тогда слушаем, что скажут прозекторы Инквизиции. Дроссельмейер!

Поднялся дородный Инквизитор, откинул капюшон, блеснул лысиной. Откашлялся.

– Мы подтверждаем выводы Темных, – начал он безо всяких бумаг. – Однако имеем несколько дополнений. Во-первых, раны, по всему, причинило не животное. Крупные хищники, известные до сих пор, равно как Иные, способные перекидываться в таковых, сбивают жертву с ног и приканчивают уже на земле. Каро и Мартэн приняли смерть стоя. Тот, кто нанес им раны и сломал кости, был выше их ростом. Кроме того, его передние лапы были весьма развиты...

– Что вы подразумеваете? – раздался возглас со стороны Темных.

– Лапы хищников и трансформов предназначены для того, чтобы или опираться на них, или рвать ими. А здесь они явно были созданы еще и для того, чтобы хватать. Извольте...

Дроссельмейер сделал движение пальцами, похожее на незаконченный щелчок.

Перед столом за клубился сероватый дым, появившийся из ниоткуда. Через несколько мгновений облако приобрело законченные формы, и в воздухе повисла чрезвычайно крупная лапа с когтями. Правда, ее можно было назвать и рукой – лапа имела пять пальцев и даже слегка напоминала человеческую.

Пальцы были изогнуты, и Леонид догадался: Инквизитор-прозектор показывает оптическую реконструкцию фор-

мы конечности, что нанесла раны жертвам. Он никогда прежде не слышал о подобной магии и подумал, что им в научном отделе она тоже весьма бы пригодилась. К примеру, восстанавливать облик допотопных животных по костям.

– Гигантская обезьяна? – с английским выговором спросил еще один Темный, невзрачный, сухощавый, в сером костюме и рубашке похожего оттенка.

– Мне известны оборотни, которые могут перекинуться в человекообразную обезьяну, – откликнулся Градлон. – В Париже, кажется, зарегистрирован один такой экземпляр. Попробуйте меня, если ошибаюсь, любезный Вуивр.

– Все верно, – буркнул Претемный коннетабль Парижа. – К несчастью, он еще и отпрыск аристократического рода, скандал в семействе. Но у Ксавье нет таких громадных... лап.

– И я о том же. Ни оборотни, ни маги-перевертыши в сумеречном образе не достигают таких пропорций. Эта тварь должна быть вдвое, если не втрое выше человеческого роста.

– Это мог быть Иной, в Сумраке выглядящий как огр, – проскрипел один из Инквизиторов, до того не проронивший ни звука.

– Огр? Ближайший великан, о котором я знаю, находится в Шотландии, – сказал Градлон.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.